

АССОЦИАЦИЯ СПЕЛЕОЛОГОВ УРАЛА

Книжная полка АСУ

Выпуск 3

ПО
КАМЕННЫМ
СТУПЕНЯМ
КЫРК-ТАУ

(сборник)

Пермь – 2000

По каменным ступеням Кырк-тау

В следующем году исполняется четверть века достижения километровой глубины пещерах Советского союза. Этому событию, вызвавшему не спортивную возню вокруг достигнутого результата, посвящен очередной выпуск брошюры из серии «КНИЖНАЯ ПОЛКА АСУ». Под её обложкой объединены два выпуска бюллетеней ОНИТСТЦ (Пермь) включивших записки Руководителя той Экспедиции – Пантюхина Генадия Серафимовича и участника штурмовой группы Евдокимова Сергея Сергеевича .- вашего покорного слуги.

Прошло много лет. Теперь Российские спелеологи вновь подбираются к километровой отметке теперь уже в пещерах России и может быть эти записки станут неммым укором будущим любителям неспортивных игр вокруг нашей нелегкой работы

С уважением.

Евдокимов С.С.
Президент Ассоциации спелеологов Урала.

1 октября 2000г

По каменным ступеням Кырк-тау

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ НАД ПРОПАСТЬЮ

(записки руководителя экспедиции Кырк-Тау-76)

©Пантюхин Г.С

Пермь – 2000

По каменным ступеням Кырк-тау

ОТ РЕДАКТОРА бюллетеня ОНИТСТЦ.

Появлению этих записок в серии выпусков бюллетеней ОНИТСТЦ можно считать и делом случая и закономерностью. Известно, что пермяков с крымскими спелеологами и Геннадием Серафимовичем Пантюхиным, в частности, связывает без малого четверть века сотрудничества. Одним из эпизодов которого и являются описываемые ниже события.

Случаю же было угодно, что бы рукопись, подготовленная Пантюхиным в 1978г. для печати в Крымском издательстве, долго отфутболивалась то Крымскими, то Украинскими, то Союзными издательствами.

В результате, в 1982году, находясь по какой-то спелеологической надобности в Крыму, получил я в руки машинописный пятый экземпляр, и устное напутствие: "Сделай чего-нибудь с ней, если сможешь" (в смысле опубликования и редактирования).

«Смочь» долго не удавалось - Пермское издательство в бюрократическом футболе было не слабее крымского и пр., кроме того публиковало исключительно пермских и партийных авторов, но слишком узок был их круг.

В последнее свое посещение Крыма, в 1994 году, в разговоре с Геннадием Серафимовичем, выяснилось, что в результате бюрократического футбола, все экземпляры рукописи были потеряны и было подтверждено желание сделать что-нибудь к двадцатилетию события.

Сделать "к", не удалось уже чисто по техническим причинам, и вот теперь, этим выпуском Бюллетеня ОНИТСТЦ, Редакция выполняет данное Пантюхину обещание.

Готовя рукопись, я убрал всю ту правку, которой она была подвергнута в свое время в попытках протолкнуть в печать в Перми. Слегка изменил разбивку абзацев, в трех или четырех местах изменил порядок их следования. Авторский текст, прекрасно сохранивший аромат тех дней, оставлен в неприкосновенности. Добавлен лишь аппарат примечаний, т.к. некоторые моменты могут оказаться не знакомыми современному читателю.

Пермь. 16 июля 1997г. Евдокимов С.С.

Плечом к плечу над пропастью

*При написании этой книги использовались дневники Галины Кочербиной и Ларисы Вершинской, а также заметки в газетах Сергея Евдокимова. Автор выражает товарищам глубокую благодарность.
Пантюхин Г.С.*

Накануне события

Не помню, сколько я проспал. Знобило, хотя в самолете было даже жарко. Температуры не было, но тепло так и струилось из меня. "Нервы - подумал я - Нервы, держись, Гена" - и поймал себя на мысли, что еще не единожды буду говорить эту фразу.

Выглянув в иллюминатор, увидел двуглавую вершину, покрытую снегом, которая возвышалась над всеми горами. "Наверное, Эльбрус" - подумал я. Сейчас мне было не до него. В голове крутились шары, как в автомате для розыгрыша спортлото, но только на шарах были не цифры, а слова: веревка, карабин, кастрюля, ведро, пантоцид, крючья и еще масса всевозможных названий. Перебирая в памяти все детали подготовительного периода экспедиции, я незаметно снова уснул. Сказывалось напряжение последних месяцев, недель, дней, часов.

Выходя из самолета в Самарканде, я увидел на перроне Бобриня, Сашу Климчука и мощного высокого мужчину, и сразу догадался - Кучерявых Владимир Ильич - зам. председателя Самаркандского областного совета по туризму, один из первых спелеологов в Средней Азии, о котором я много слышал и вот сейчас буду иметь честь познакомиться лично. Обмен приветствиями. Садимся в автобус. Экспедиция началась.

Здесь я сделаю небольшое отступление и расскажу коротко о покорении глубин в карстовых полостях Советского Союза.

Принято считать, что с 1958г. начался качественно новый этап развития спелеологии в нашей стране. В том году в Симферополе была организована первая в СССР спелеологическая секция. Вскоре они появились в других городах: Красноярске, Москве, Свердловске, Севастополе, Тбилиси, Ялте...

Вместе с учеными карстоведами под землей работали спелеологи-спортсмены. Плечом к плечу шли они подземными галереями и лабиринтами, исследуя белые пятна подземелий.

В 1959 году рекорд глубины равнялся 160м., который был достигнут в пропасти Каскадная на Ай-Петри в Крыму.

Уже на следующий год он вырос до 246 метров в той же пропасти. Спелеологи всех спелеосекций страны горели желанием уйти под землю как можно глубже, но только в 1963 году, на Караби (Крым), в шахте Молодежная они спустились на отметку 261м., а в шахте Кубинской (Саяны) на 273метра. В 1964 году на хребте Алек (Западный Кавказ), что под Сочи, в пропасти Назаровская, спелеологи проходят и этот рубеж. Рекорд страны становится равным 360м.

Идет время, открыты новые карстовые полости, но глубже этой отметки спуститься не удается.

Рубеж 360м стал камнем преткновения. Наконец, в 1969г. в той же Назаровской, во время всесоюзного сборов инструкторов, спелеологи уходят на глубину 500 м. Взоры спелеологов страны обращаются на Кавказ и Среднюю Азию¹. Именно здесь они надеются достичь новых глубин в карстовых полостях.

На Бзыбском хребте (Зап. Кавказ) спелеологи МГУ в 1971 году, во время поисковых работ находят полость с внушительным входом, частично заваленным снегом, которой они дают название Снежная. В результате нескольких экспедиций ее глубина вырастает до 720 метров. Дальнейший путь преграждает мощный завал из глыб известняка и конгломерата. Многие экспедиции спелеологов пытались долгие годы найти продолжение в этом каменном

¹ Тем более, что официальная наука категорически заявила о невозможности существования полостей глубже 300м в Крыму. Но, практически в это же время феодосийцы проходят до 500м ш.Солдатскую на Караби. (Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

хаосе и, наконец, это удается группе московских спелеологов под руководством Даниила Усикова (бывшего симферопольца). О конечных результатах пока говорить рано, исследование этой уникальной полости продолжают².

И вот сейчас новая пропасть. Пропасть КИЛСИ - Киевская Лаборатория Спелеологических Исследований (в 1977г. пропасть получает название - Киевская), что на плато Кырк-Тау под Самаркандом.

В 1973 году, киевскими спелеологами на плато Кырк-Тау в отрогах Зеравшанского хребта была обнаружена карстовая полость. Вот уже четыре года приезжают они сюда каждое лето, ставят лагерь и начинают исследовать эту поистине уникальную карстовую шахту. За три года они спустились на глубину 700м, но пропасть не думает сдаваться, и перед спелеологами за очередной щелью или извилистым узким ходом разворачивается многометровая манящая пустота. Но снаряжения для дальнейшего спуска не хватает и на следующий год начинается все сначала.

В 1976году Центральная секция спелеотуризма решила провести две, одну за другой, экспедиции. Первыми на Кырк-Тау отправлялись Киевские и Томские спелеологи, а за ними экспедиция из спелеологов Симферополя, Самарканда, Львова, Красноярска, Ялты и Перми.

Спускаясь по трапу самолета, я увидел Сашу Климчука, одного из руководителей Киевско-Томской экспедиции, и попытался по выражению его лица определить, достигли ли они дна КИЛСИ или же опять остановились перед пустотой, не имея снаряжения для дальнейшего спуска.

Подходя к встречающей троице, я только мельком взглянул на Александра, не спрашивая ни о чем, но он правильно понял мой взгляд, и как-то буднично (а может это мне только показалось?) коротко сказал: "1030 и идет дальше".

Помнится, я не нашелся что ответить, да и разговоры тут видимо были не уместны. Каждый из присутствующих, прекрасно понимал значение сказанной им фразы.

Рядом был Бобрин, который, по всей вероятности, понял мое состояние после слов Климчука. Я был очень ему благодарен, что он сейчас был рядом со мной, сумел прилететь на несколько часов раньше и сумел увести разговор не в спелеологическое русло, тем самым освободив меня от каких-либо комментариев по поводу...

Устроившись на турбазе, Бобрин, Климчук и я поехали к Абуджапарову - одному из знатоков Среднеазиатского карста. Пока ехали троллейбусом, Саша рассказывал о событиях прошедшей экспедиции. Переохлаждение получил парень из Томска(*12), и его пришлось срочно транспортировать на поверхность силами штурмовой группы и врача, который спустился к пострадавшему. О дальнейшем спуске - не могло быть и речи.

К моему приезду в Самарканд, почти все организационные вопросы были успешно решены Владимиром Кучерявых. Счастье, что у нас был такой человек в экспедиции, который взял большую, чисто организационную сторону экспедиции на себя.

Нам с Бобриным оставалось только дожидаться прибытия участников, которые самолетами и поездами добираются в Самарканд.

Вечером встретился со своим старым знакомым - Сергеем Дудашвили -спелеологом из Фрунзе и его товарищем Сашей Жуканиным. На другой день Бобрин ушел с ними на плато, ведь разведка - это первое дело. Пока все складывалось как нельзя лучше.

Утром следующего дня я зашел к Володе Кучерявых, который сообщил, что меня разыскивает какой-то журналист. Через несколько минут зовут к телефону и густой баритон представляется: "Евгений Русанов - журналист, репортер радиостанции " Юность". Вскоре мы встретились. Он приехал собирать материал в киевско-томскую экспедицию, но опоздал, Даже Саша Климчук улетел уже в Москву.

Договариваемся, что он будет собирать материалы для передачи во время нашего пребывания на Кырк-Тау. Встретились опять мы уже на плато.

Прибывают участники экспедиции. Мокрые, нагруженные тяжелыми мешками, они заходили во двор, здоровались, бросали станки на землю и уходили... пить квас или воду. Перемена климата давала о себе знать. Все время хотелось сидеть и не двигаться, а аборигены только посмеивались над нами и говорили: «Это еще не жара, это еще прохладно.» Ре-

² Напомню, рукопись писалась в конце 70х. (Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

бьята ухмылялись, молча кивали головами, а я с тоской смотрел на растущую кучу груза, могучим конусом возвышающуюся во дворе турбазы.

А ведь часть груза еще лежала на складе у Кучерявых. Заброска этой массы на верх очень беспокоила меня. Кроме того, в Самарканде еще предстояло прикупить продукты и бензин. Общий тоннаж экспедиции выглядел довольно внушительно и равнялся примерно 5т. а то и больше. Было над чем подумать!

Заброска

Два дня в Самарканде были заняты закупкой продовольствия, нанесением визитов в обком комсомола, редакцию газеты "Ленинский путь" разбору снаряжения и ожиданием участников экспедиции. Не было только ялтинцев. Дворянинов с ребятами опаздывал и решено было не ждать его, а оставить на турбазе бумагу с кроками пути на плато Кырк-Тау.

За две ходки ГАЗ-66 перевез все наше снаряжение и продукты на верхнюю базу геологов над Ургутом. На небольшой площадке уложили груз, устроили временный лагерь. Вверх идти не было смысла, темнело. Утром местные геологи обещали бульдозерами затащить наш груз на перевал, с которого нам уже придется до Базового лагеря на плато таскать на себе всю эту огромную массу снаряжения и продуктов.

В наше распоряжение выделяют "пену" (железное корыто длиной около 2,5м и шириной 2м с невысокими, около метра бортами) для перевозки горюче-смазочных материалов. Чистим и моем это сооружение, укладываем на него ящики и станки³. Получается гора высотой под 3 метра.

Все ходят вокруг этого хитрого сооружения и спорят - потянут ли такую махину два бульдозера или нет.

Легли спать как только стемнело, а темнеет здесь рано. Завтра ранний подъем, нужно как можно раньше выйти на перевал, чтобы в запасе было несколько часов светового дня,

В шесть часов по местному времени взревели бульдозера и потащили на верх ужаснейшее сооружение из дерева, железа и ткани - наш груз. Я смотрел на живописнейшее творение и считал про себя: сколько сил мы сбережем благодаря помощи геологов.

Ребята идут впереди и сзади каравана. Машины медленно, но уверенно волокут снаряжение к конечной точке - перевалу. На перевале совсем нет площадки и груз раскладывается по склону. Ни дать ни взять ярмарка-распродажа. Работаем весело и дружно, да и ветер, не очень холодный, но сильный, Подгоняет.

Все с тоской смотрят на узкую тропу, петляющую между невысоких скал. Быстро сортируем вещи, и один за другим участники экспедиции уходят по направлению к КИЛСИ.

Парни тщательно увязывают станки, нагружая их сверх нормы. Норма - 40. Но некоторые, взвалив на плечи груз, подняться сами не могут. Их поднимают, и они медленно переставляя ноги, уходят, по узкой тропе круто рвущейся по скалам к безоблачному среднеазиатскому небу.

Все же остается много груза. Еще одна ходка обеспечена, а может быть и две. Все зависит от того, в каком физическом состоянии мы будем, придя в промежуточный лагерь у кошары близ родника. Там последний пункт перед окончательным броском к пропасти. Уходят последние участники и мы остаемся вдвоем с Колей Леоновым.

Подготавливаем порции снаряжения для упаковки на очередную ходку. Успеем ли мы перебазировать весь груз к кошаре, в промежуточный лагерь, если да, то можем выиграть еще и день отдыха перед началом работ в пропасти, а это было бы очень кстати.

С сожалением замечаю, что очень волнуясь. Голова просто кругом идет. Понимаю, что пока все складывается очень удачно, но ... - "Держись Гена", - говорю я себе и с иронией думаю, что теперь это дежурная фраза для меня на весь период экспедиции. Тщательно упаковываю свой станок, взваливаю его на плечи и ухожу вверх по тропе. Получив соответствующие указания Николай остается один. Скоро должны (по моим расчетам) подойти участники за очередными порциями груза.

Стараюсь не спешить. надо войти в ритм движения и дыхания, а там ноги пойдут сами. Все же высота дает о себе знать, а может просто слишком перегрузил станок.

³ Станки, станковые рюкзаки. (Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

Останавливаюсь передохнуть. Смотрю вниз и вижу, что Коля машет мне рукой. Понимаю что он следил все это время за моим продвижением.

Все ближе кромка уступа, за которой (я даже не знаю что за ней) очередной подъем и ровное плато, а может и спуск. Идти становится легче, пришло второе дыхание. Неожиданно сзади слышу шум, оборачиваюсь и вижу, что ко мне приближается компания - ишак и его хозяин. Приветствуем друг друга, и я с сожалением уступаю им дорогу. Они чинно обгоняют меня и скоро скрываются из виду.

Выхожу на пологий участок. У небольшой скалы в тени сидит хозяин ишака. Да и ишак, спрятав голову в тень от небольшого куста, неподвижно стоит под скалой.

Мне предлагают отдохнуть. Но меня охватывает злость (могли бы и помочь) и махнув рукой, продолжаю путь.

Слышу голоса, но не вижу кому они принадлежат. Выхожу на открытый участок тропы. Навстречу мне идут ребята и семь ишаков. Удалось договориться с местными чабанами, теперь ясно, что мы успеем сегодня перенести груз к кошаре.

Мне сообщают, что часть груза уже на пути к базовому лагерю у входа в пропасть. Огибаю небольшой выступ скалы, и передо мной открывается вид на долину с кошарой и родником, а на пологом склоне, в 400-500 метрах от коша, привольно раскинувшийся промежуточный лагерь.

Я все ближе и ближе приближаюсь к огромному стаду коз и овец, когда мое внимание привлекает пять здоровых азиатских овчарок. Иду спокойно, стараясь не выдавать своего волнения. Вижу что они внимательно наблюдают за мной. Этот неприятный для меня эпизод и все предшествующие ему события, живописно описан Юрием Ростом, корреспондентом "Комсомольской правды", который принимал участие в нашей экспедиции.

Случай этот я часто вспоминаю, про себя конечно, а вожака со срезанными ушами, на длинных сильных ногах с оскаленной пастью помню в деталях.

Мне ничего не оставалось, как, сбросив рюкзак, защищаться. Рядом не было даже камней. Хотя в 10-15 метрах от меня лежало их множество. Четыре овчарки зашли с боков и сзади, но бросились бы на меня только после атаки вожака. Я это знал, вернее страх заставил вспомнить этот природный инстинкт четвероногих "друзей". Я не стал ждать, когда челюсти пса сомкнутся на моем теле и пошел прямо на него. Ведь лучшая защита - это нападение.

Не зная почему, но главарь струсил. Увидев искаженное злостью мое лицо, услышав не ласковые слова, он, по видимому, не решился испытывать судьбу.

Минут через пять, я подошел к промежуточному лагерю.

- Парни, снимите станок, только осторожно, там термометры, - промямлил я пересохшими от жары и страха губами. Взрыв хохота прокатился по поляне. Сразу я как-то не понял причину смеха, но через секунду я уже смеялся вместе со всеми. Все видели, как проворно я сбросил станок на землю во время инцидента с собаками. Я подошел к станку. Термометры были целы.

Вся эта история была, до некоторой степени, необходимой разрядкой во время тяжелой работы.

Плотно перекусив, ребята уходят за остатками груза на перевал. Дядя Вася и женский батальон уходят к месту базового лагеря.

17 августа, к вечеру, весь груз в промежуточном лагере. "У юрты" - окрестили это место экспедиционные острословы. Заброска идет с опережением графика. Лишний день никогда не помешает. Привыкаем к нагрузкам. Идет акклиматизация.

Мы начинаем

Первая ночь на Кырк-Тау. Уснули рано. Вернее сказать, заставил всех уснуть. "Завтра тяжелый день" - многократно повторял я укладывая станки в одну кучу. "Спать, всем спать" - а сам думал - "Да будут ли у нас легкие дни".

Все же здоровые подобрались ребята. Если бы утром меня спросили, успеем ли за день перебросить всю массу снаряжения в базовый лагерь, я бы не знал, что ответить. Но как ни странно, уже к двум часам дня весь груз был на месте. Для меня (да и для многих), это было приятной неожиданностью. Полтора дня было в запасе, и они нам, ой как пригодятся в конце экспедиции, когда силы будут уже на исходе.

По каменным ступеням Кырк-тау

По плану, первая группа под руководством Петрова, должна уйти в пропасть и навесить снаряжение до глубины 270 метров - 20 августа. Это будет завтра, а сегодня приводим в порядок лагерь, ребята готовятся к работе. Коля Леонов считает карабины, крючья, веревки - он ответственный за снаряжение. Дело это не легкое, все должно быть учтено и выдаваться по первому требованию руководителей групп, которые уходят под землю.

Лариса Вершинская, врач экспедиции, устраивает «врачебный кабинет», куда тут же выстраивается очередь с мозолями, волдырями и занозами. Колючки тут, как ни "странно", колючие.

Все необычно в этом краю. Сжигающее солнце на голубом небосводе, где за четыре месяца не бывает ни облачка, ни тучки. А на плато ни капли воды. Носим снег с ближайшего снежника, расположенного в полутора километрах от нас.

Дядя Вася⁴ с ребятами сооружают несколько "аппаратов" для добычи воды - это куски полиэтиленовой пленки уложенные на склоне, на которые вываливается принесенный снег. Талая вода стекает в подставленные ведра, но пригодной для питья она становится только после обработки ее пантоцидом и не вызывает у водолюбивых энтузиазма своим вкусом.

Под руководством Юры Маштакова строится печь из обломков известняка и глины. Оказывается всего за полчаса на ней можно вскипятить сто литров воды.

Еще один вопрос приходится решать на плато ежедневно: топливо. Здесь не растет ни деревца ни кустика, но пасется табун лошадей. Они-то и поставляют нам кизяк. Отличное топливо, горит как порох.

Сегодня должно быть покончено с орг.вопросами, завтра нас ждут другие заботы.

Беру пикетажку, компас и ухожу на юго-восточный водораздел карстовой долины, в которой мы расположились. осматриваю район работ. В голове сразу возникает куча вопросов, на которые вскоре надо дать ответы. Почему здесь образовалась такая гигантская котловина? Длинна ее более километра и ширина 500-700м. Другой такой ведь нет на плато. В каком блоке, опущенном и поднятом, заложена и развивается карстовая полость?

В глаза сразу бросается большое количество тектонических нарушений, четко выделяющиеся в рельефе местности. А какие из них главные? Да, вопросов много. А ответы?

Известняки явно не наши, не крымские. И по цвету и по запаху. Запах особенно специфичен для пород этого района. Ударив молотком по образцу, ощущаешь резкий чесночный запах, по всей вероятности присутствует мышьяк. Поднимаюсь еще выше на водораздел. Подо мной V-образная глубокая долина, которая уходит на юго-восток. В тальвеге ее расположены многочисленные воронки.

Намечаю план работ на местности, которые будем вести параллельно с работами под землей.

С "верхней позиции" интересно смотреть на лагерь. Он довольно-таки живописен, но еще более живописны его участники. Головы накрыты полотенцами, платками кепками- все оберегают уши и носы от ожогов. Бедуины да и только. Сажусь на камень и наблюдаю за работой. Все бегают туда и сюда, все в движении, кажется нет в этом никакой системы, но это только кажется. Парни работают быстро, четко и слажено. Куда только девалась крымская безалаберность?

Возвращаюсь в лагерь. Докладывают, что все готово и можно хоть сейчас начинать работу в пропасти.

Все занимаются подготовкой к завтрашнему дню. Проверяют самохваты, самостраховочные петли, свет (плохо если останешься под землей без освещения, тут только надежда на товарищей). Штопаются комбинезоны, свитера... Одним словом все заняты своими делами.

Под землей надо быть готовыми ко всему, и плохо, и даже очень, приходится тому, кто наплевательски относится к своему личному снаряжению.

Подхожу к Паше Петрову, сажусь рядом с ним и смотрю, как он копается со светом, что-то закручивает, откручивает, присоединяет. Еще раз обговариваем с ним завтрашний выход, и он уходит проверять готовность группы.

Немного волнуюсь, но это естественно, думаю я, как же без волнения. Не волнуется тот, кто ничего не делает, вспоминаю я заштатную фразу. Все будет в порядке, в этом я уверен,

⁴ Дядя Вася - Васин Василий Иосифович - наш завхоз и комендант. Он самый старший из нас и подземными подвигами не грезит, но без его хозяйственных рук не обходится ни одно дело.(Пантя)

По каменным ступеням Кырк-тау

да и парней не узнать. Все серьезные. И куда девалось их ребячество? Каждый понимает ту ответственность, которая ложится на его плечи. Главное сработать без ЧП.

Сумерки опускаются над лагерем. Темнеет рано. Становится прохладно. Небольшое построение. Объявляется завтрашний распорядок. Все расходятся по палаткам.

По каменным ступеням Кырк-Тау

Все последние месяцы перед поездкой на Кырк-Тау мои мысли занимала пропасть. Постепенно вырисовывался план работы экспедиции, намечались штурмовые отряды. Еще в Симферополе, участники экспедиции знали, какого числа и в составе какой группы они уходят под землю. В клубе был вывешен план пропасти до глубины 720 метров (съемка Киевской спелеосекции) и спелеологи заранее настраивали себя на будущую работу, мысленно прокручивая весь этап штурма до той или иной глубины.

Несколько слов о участниках экспедиции. Основную массу составляли члены Симферопольского спелеоклуба. На одном из заседаний руководства экспедиции было решено пригласить спелеологов Львова, Ялты, Красноярска и Перми⁵. За два месяца до начала экспедиции был известен окончательный состав.

Красноярскую секцию представлял Валера Бобрин, о котором я уже писал. Мы хорошо знали друг друга, работали вместе на Караби, на хребте Алек.

Со спелеологами Львова, у нас, симферопольцев, стабильный контакт. Мирон Михалевич, Леся Вовк, Валик Овчаренко, Славик Горох - наши старые знакомые по республиканским спелеолагерям, экспедициям, слетам.

Пермских ребят было пятеро, но работали мы под землей только с Сергеем Евдокимовым. Остальные должны были показать, чего они стоят здесь, на Кырк-Тау.

Ялтинцев: Виктора Дворянинова, Николая Осипова, Сашу Никищенко мы хорошо знаем. Это постоянные наши соперники на соревнованиях по технике спелеотуризма и коллеги по исследованию карстовых полостей на Чатыр-Даге, Караби, Ай-Петри.

Спелеологи Самарканда, которые включены в состав экспедиции, уже много сделали для нее в организационном плане, и хотя опыта работы в таких глубоких пропастях у них нет, мы надеялись, что и тут они не ударят в грязь лицом.

Я думаю, что наш успех отчасти был обусловлен прекрасным, дружным (можно приводить множество эпитетов) коллективом участников. Благодаря этому работалось легко и свободно.

Утро 20 августа. Группа "А"- Паши Петрова в составе: Родичева, Штеера, Вовк, Евдокимова и Михалевича уходят под землю. Они проведут навеску снаряжения до глубины в 270 метров и протянут телефонный кабель.

Все собрались у входа в пропасть, провожать ребят. Гвалт, смех, шутки. Все немного возбуждены. Красноречие Родичева достигает апогея. Паша молчалив и сосредоточен. Я прекрасно понимаю его состояние. Гена Штеер бежит с растерянным видом и что-то ищет. "Рукавицы забыл" - кричит он Васе Даниленко и тот ныряет в палатку за ними.

- Геша! Геша! - кричу я ему. Он резко тормозит и смотрит на меня.

- Два наряда вне очереди. - говорю я.

- Ну вот? - Гена растерянно улыбается и бежит навстречу Васе за рукавицами. Жужжат кинокамеры, щелкают затворы фотоаппаратов. Один за другим спелеологи скрываются за узкой щелью. Ажиотаж спадает. Все расходятся по своим делам. Иду к палатке и жду связи.

Группа Юры Шаповалова ушла на поверхностную топосъемку. Дежурные по лагерю заготавливают воду и топливо.

В лагере тихо и я знаю почему. Все хотят знать: Что? Как? Почему? Где? Вечером, когда группа Петрова выйдет на поверхность, она будет атакована толпой и вопрос будет один: "Ну как там?"

С Колей Леоновым разбираем снаряжение для группы Саши Шевчука. Завтра они уйдут под землю до глубины 400 метров и поставят там первый подземный лагерь.

Неожиданно резкий телефонный звонок бросает всех присутствующих к моей палатке, где установлен аппарат. Слышимость великолепная. Это заслуга пермяков, которые были ответственными за связь. По всему лагерю разносится голос Паши Петрова:

⁵ О том как пермяки оказались в составе экспедиции читайте ниже. (Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

- Земля, земля, говорят Недра. Как слышите меня? Прием.

- Слышим Вас хорошо. Слышим Вас хорошо" - отвечаю я.

- Проверка связи, проверка связи. Уходим дальше. - Заканчивает разговор Петров.

Звонок снимает напряжение. Оставляю Виктора Дворянинова на телефоне и ухожу с Беляевым и Мицуком делать через котловину геологический разрез.

Возвращаясь, еще издали, мы увидели что в лагере оживление. Группа Петрова вышла на поверхность. В центре большой толпы стоят "виновники торжества" и рассказывают о своих похождениях в глубинах плато Кырк-Тау. Их слушают не перебивая.

Все вроде бы в порядке. Намеченный объем работ выполнен. Удручает другое. В пропасти очень грязно. Но грязь не природная, а грязь оставленная экспедицией киевских и томских спелеологов. Впоследствии у нас был разговор об этом с ребятами из Киева. И я не буду останавливаться на этом прискорбном эпизоде. Тогда мне запомнились слова одного из наших парней, который сказал: "У меня сложилось впечатление, что до нас под землей побывали те, кого спелеологом не назовешь."

С ребят стаскивают мокрые комбинезоны покрытые глиной. Моют, кормят, отправляют отдыхать. Но еще долго из палаток, где живут первопроходцы, доносится восторженный шепот "именинников", повествующих о баталиях прошедших подземных часов.

Утром следующего дня просыпаюсь рано. Лагерь еще спит, только дежурные колдуют около печки. Недалеко от палатки выделенной "под снаряжение", где обосновался Валера Мельников, в ряд сложены 10 транспортировочных мешков, тщательно перевязанных репшурами и пронумерованных. Проверяю, по весу (он должен быть близок к десяти килограммам) все десять мешков, и представляю, как придется попотеть с ними в дыре группе Шевчука.

Им не позавидуешь. Сегодня группа "Б" в составе Шевчук, Чурин, Малков, Савутин, Белинский, Горох, Кочербитова, Мельников, Калашников, Гротус должны продолжить навеску снаряжения до глубины 400м. Установить там подземный лагерь "Недра-1", а возвращаясь сделать подземную топосъемку и отобрать образцы пород. Дежурные играют "подъем."

Лагерь просыпается быстро. Сегодня будет насыщенный день. Построение. Объявляется программа работ и лагерь зашумел, как улей. Обряд одевания, последние указания, и ребята один за другим скрываются в пропасти.

Через некоторое время 16 человек во главе с Пашей Петровым уходят на верхнюю базу геологов за хлебом, сухим молоком и бензином. Остальные дежурят. Забираюсь в палатку, устраиваюсь у телефона и начинаю разбирать образцы, вынесенные вчера группой Петрова. Звонит телефон. Такое впечатление, что Шевчук стоит за палаткой и говорит. Слышны даже голоса Чуринова и Белинского, которые разбирают подземный лагерь в нескольких метрах от телефона.

- Ну и грязюка же здесь, Гена, - вопит Шура - просто ужас. Мы на глубине 400 метров, колодец 80 оказался 63 метра, Вода льет. Чурин и Белинский устанавливают лагерь, Скоро пойдем наверх. Остальные ребята уже должны скоро выходить. - Идет обильный поток информации, остановить Шуру трудно, он должен выдать все. Я его прекрасно понимаю.

- Шура- говорю я - Шура, Шура. - Он не слышит. Не желает слышать.

- Тут такая грязь. Ребята ставят лагерь... - все ясно, Шура пошел на второй круг, он явно перевозбужден. Узнаю и опять-таки понимаю. Мельком оглядываюсь на заинтересованные лица ребят окруживших палатку.

- Шура, тут пришел корреспондент радио с магнитофоном, - быстро говорю я, уловив момент когда он запнулся чтобы перевести дыхание, - просит записать на пленку голос из-под земли. Соберись с мыслями и выдай как положено, твое мнение о дырах, работе, ну и все такое.

На том конце провода стало тихо. Ребята начинают посмеиваться, предвкушая дальнейшие события.

После паузы раздался взволнованный и торжественный голос Шуры:

- Внимание! Внимание! Говорит подземный лагерь на глубине 400 метров. - Все затаили дыхание. - Наш лагерь разбит на небольшой площадке, которая обильно поливается потоками воды... - и дальше в том же духе пять или шесть минут. Это надо было слышать. Сколько чувств, эмоций. Как жаль, что корреспондент пришел позже.

По каменным ступеням Кырк-тау

Шевчук доставил нам несколько приятных мгновений, сам того не подозревая. Потом были еще звонки оттуда. Ребята сообщали о своих делах под землей, а вскоре стали выходить один за другим.

Смеркалось. В "воротах", так назывался вход в котловину КиЛСИ, показалась фигура человека в широкополой соломенной шляпе. Все бросили свои дела и молча смотрели на приближающегося гостя. - "Ну вот мужики, принимайте первого представителя радио и прессы" - сказал я. Женя Русанов подошел. Чинно поздоровался со всеми и сразу окунулся в гущу событий экспедиции.

Заканчивался еще один день нашей работы. Я сидел с Женей недалеко от "пищеблока" и рассказывал ему о планах и задачах экспедиции. Что такое спелеология, кто такие спелеологи. Тихо жужжал "Репортер". А в это время во входном колодце разыгрались следующие события:

Завис Коля Гротус. Дело в том, что веревка на первом колодце была влажная и вся в скользкой, жидкой глине. Его самохваты, как и у многих других ребят проскальзывали. Коля отчаянно пытался что-нибудь сделать, но все попытки были безуспешны. Грудная обвязка все туже сдавливала грудную клетку. Он попал в незавидное положение. Сам выйти уже не мог. Кравченко, Родичев и Штеер пытались поднять его, но не смогли стать вместе, чтобы тянуть в одном направлении, так мала была полка на которой они стояли. Гротус отчаянно пытался им помочь, но в конце концов завис на беседе.

Не помню, кто выбежал из воронки, позвал меня, и с Женей мы кинулись к входному отверстию пропасти. Мельком взглянув на Русанова, и увидел горящие глаза: "Так - промелькнула мысль - Материальчик для радио будет остросюжетным".

- Гротус завис" - сообщила Лариса Вершинская, и в это время из щели раздался истошный крик Штеера :

- Пантю сюда!

Сбросив куртку, я протиснулся в горло пропасти и начал помогать ребятам. Возились мы минут десять, наконец, обессиленного Гротуса выволокли на уступ. На него было страшно смотреть. Отправляем Колю на поверхность и начинаем заниматься Калашниковым. С ним та же самая история.

Но беды Гротуса на этом не закончились. Не успел он высунуть из щели голову, как у его рта оказался микрофон. Ну какое уж тут интервью. Дыхание судорожное, что и записывает "Репортер". Сам он буквально валится на руки встречающих.

Беды Гротуса не закончились и на следующий день. Наказание за вчерашнее было ему придумано оригинальное. Устроившись в стороне от палаток, Коля резал на сухари весь хлебный запас экспедиции, а он был не мал. "У меня теперь еще одна специальность будет после отпуска" - отвечал он на шуточки ребят.

У Юры Савутина сегодня День рождения. Все поздравляют его. Кто-то говорит: " Будет что вспомнить! День рождения на Кырк-Тау, у КиЛСИ, это что-нибудь да значит."

Бегают, кричат, размахивает руками Валера Бобрин. Его группа уходит сегодня на отметку 800 метров, где они должны подготовить все для работы следующей группы, и разбить ПБЛ⁶ "Недра - 2". Знал ли я сколько тревог и волнений доставят нам те дни, когда группа будет находиться в пропасти.

Женя Русанов со своим "Репортером" ходит и прислушивается к разговорам ребят, велико желание записать что-нибудь на пленку, спрашивает, ему охотно отвечают, но ему трудно и даже очень. Все говорят на "пещерном диалекте" - такое в эфир не дашь. Пока на пленке классическое дыхание Гротуса".

Начинается еще один день экспедиции. Чтобы не было лишнего шума, разгоняю всех по работам, кроме дежурных. Сегодня поиск новых карстовых полостей. Четыре группы расходятся из лагеря в разные стороны на плато Кырк-Тау.

Ну вот, теперь можно спокойно все обсудить с группой Бобрин, хотя тут уже все яснее ясно. Садимся недалеко от пропасти, курим, перебрасываемся ничего не значащими словами. Смотрю на ребят, держатся молодцом, хотя знаю что твориться у них на душе. Сколько с ними проведено вместе часов под землей, сколько веревки пропущено через ладони, страхуя друг друга. Сколько раз прижавшись друг к другу стучали зубами от холода.

⁶ ПБЛ - подземный базовый лагерь. (Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

Смотрю и вижу, как хочется им уйти скорее туда, где они никогда не были, уйти на глубину, на которой из них никто никогда не был. И каждый наверное думал: «Вот там я познаю себя. Узнаю на что способен. Там еще раз докажу всем и в первую очередь себе, что я? кто я?»

Смотрю на Юру Маштакова и Колю Леонова. Как долго мы шли друг к другу, чтобы наконец быть вместе. Смотрю на Юру Шаповалова и Витю Дворянинова. Может быть, они, так же, как и я вспоминают 24 часовую эпопею в пропасти Осенняя на хребте Алек, когда впервые без подземного лагеря прошли 500 метров.

Все молчат. Молчит даже Родичев. Рядом с ним Володя Кравченко, Вася Даниленко. Валик Овчаренко. О чем думают они сейчас?

Бобрин поднимается берет мешок и идет к пропасти. Они уходят продолжать начатое дело. Двадцать второго августа, в одиннадцать - ноль-ноль последний из группы скрывается в узкой щели входа.

Для нас наступают часы ожидания. Оставляю на телефоне дежурного. Валера Мельников, Женя Русанов и я идем на юго-запад, в сторону реки Кашка-Дарья. Женя тащит свой "Репортер", но пригодится ли он ему сегодня?

Спускаемся в глубокий сай (сухая долина) и медленно ползем по склону на небольшой водораздел. Жарко. Хотя бы ветерок принес прохладу, но все тихо. Выходим на хребет и видим, что по направлению к нам идут ребята из поисковой группы. Перебивая друг друга, они рассказывают о дыре, которая их всех привела в восторг. Вход небольшой, но когда бросишь туда камень, то творится что-то невообразимое - щебечет Лариса Вершинская. Сразу догадываюсь о чем идет речь. Это о ней мне рассказывали киевские спелеологи. Официального названия у нее еще нет, но все упорно твердят: "Загадка века"⁷.

Подходим к пропасти, Женя распаковывает свой "Репортер". Мы буквально подползаем к краю этой своеобразной карстовой полости и опускаем микрофон как можно ниже. Мельников уже приготовил солидного веса глыбу и ждет сигнала, чтобы сбросить ее в низ.

Я даю знак Валере взмахом руки, и она летит в черный зев провала пропасти. Несколько секунд слышен только свист рассеяемого воздуха, потом следует страшный удар и через несколько секунд другой, потом третий, четвертый, но они уже были глухие и очень далекие. Мы молчали. Лицо Русанова светилось радостью. Записать голос бездны, да еще какой бездны!

Потом ребята бросали еще обломки камней и каждый раз восторженно качали головами. Я знал, что в эту карстовую полость спускались в прошлом году киевские спелеологи, но достигли всего 160 метров, конец лестницы болтался в пустоте. Времени и снаряжения у них не было, все было брошено на штурм КилСИ. Им пришлось отступить.^(* 7)

В этом году киевские и томские спелеологи опять-таки не имели времени и средств для штурма Загадки века.

Отхожу в сторону, сажусь и смотрю, как ребята носятся вокруг в поисках камней: все, что можно сбросить вокруг, уже сброшено вниз. Может быть, пока группа Бобрин в пропасти, нам, оставшимся на поверхности, попробовать прозондировать "Загадку"? Желание конечно большое. Все есть, но что-то не дает покоя. Решаю вопрос о штурме оставить открытым и обсудить все в лагере вечером.

Вернувшись в лагерь в пять часов вечера, я сразу же иду к аппарату. Звонка из-под земли нет. Настроение сразу меняется. Все валится из рук. Неизвестность хуже всего. Сажусь у телефона. Есть не охота. Ребята даже приносят миску с ужином мне в палатку." Докатился - думаю я - завтра утром дойдет до того, что будет кофе в постель."

В 18.10 неожиданно раздался вызов телефона. Зуммер прозвучал как-то неестественно, за день от него уже успели отвыкнуть. Хватаю трубку - это Валик Овчаренко. Оказывается, они пытались выйти на связь несколько раз, но сеть не работала. Ребята несколько раз поднимались наверх и находили повреждения. Но теперь все хорошо, Связь есть. Все становится на свои места. Все собираются в кают-компания, для нее поставлена большая армейская палатка. Ребята пели, все шло по плану.

Группа Бобрин доставила нам максимум переживаний за всю экспедицию. Казалось уже ничего плохого не предвещало нам утро 23 августа. В 6 часов утра, раздался звонок. Резкий

⁷ На следующий год ее назовут Олимпийской, в преддверии грядущей Московской Олимпиады 1980г. (Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

его звук вывел меня из апатии. "Говорит лагерь 400, говорит лагерь 400. Это я - Витя Дворянинов" - Я ничего не понимал. Как 400 метров? Как Витя Дворянинов? Ведь они все должны быть уже на 800 метров. От вопросов этих становится не по себе.

От сообщений Виктора на становится легче. Из его сбивчивого рассказа я составил примерно ситуацию в которой он оказался.

При спуске на глубине 200 метров Виктор ударяется головой о стенку колодца. Его подташнивает, по всей видимости - легкое сотрясение мозга. Ребята спускают его до лагеря 400, а сами уходят вниз. Вместо него до 800 идет Вася Даниленко. С 600 метров скоро придут ребята и вместе с ними он поднимется на поверхность. Самочувствие его вполне нормальное.

- Витя - кричу я в трубку, хотя знаю, что и без крика он меня хорошо слышит. - Почему ребята оставили тебя одного?

- Гена, не думай про нас плохо, если бы я чувствовал себя неважно, то, разумеется, мы бы так не поступили. Мы так и знали, что ты задашь этот вопрос, как только тебе станет известна ситуация - заикаясь говорит Виктор. - Не беспокойся, все нормально, я скоро с ребятами буду на поверхности

- Витя, как же получилось, что ты, старый пещерный лев, допустил такое? - Спрашиваю я начиная поднимать его настроение, да и свое тоже.

Наступила тишина. Было слышно, как Витя сопит в трубку.

- Только не врать - предупреждаю я.

- Да какое уж тут вранье. Обидно Гена, пропали мои 800 метров и вообще тоска - и со злостью добавляет, - в маятник вошел на колодце, побравировать захотелось. Невнимательность подвела.

- Ну ладно, отдыхай - мямлю я. Мне ужасно обидно за Витьку.

Нет, нам явно не везло в этот день. Звонка с 800 не было. Все притихли. Вечером, едва стемнело, все расползлись по своим палаткам. Кают-компания опустела. Над Кырк-Тау не звенели песни.

Связь была только с Дворяниновым. Видимо на отрезке от 400 до 800 метров телефонный кабель был поврежден, а ребята были ниже места аварии телефонного кабеля.

В 24.00 вышли Юра Маштаков, Володя Кравченко и Дворянинов. По пути они встретились на 200 с Женей Русановым, Пройдаковым и Шмыревым. "Репортер" набирал материал под землей. Юра и Володя не внесли ясности в положение дел в пропасти. Они дошли до 600 м, спустили транспортные мешки группе идущей на 800, и сразу же стали подниматься к Дворянинову. По пути они проверяли кабель. Все было вроде нормально, но связи не было.

Здесь я хочу сделать небольшое отступление. Это очень неприятная история, и я долго думал писать об этом или нет. Спрашивал ребят, и все отвечали: "Да, об этом надо рассказать"

Группа Бобринина шла вниз, может чуть медленнее, чем им хотелось бы. Мешали мешки. Мокрые, они в весе прибавили вдвое. Валик Овчаренко, отвечающий за связь, внимательно осматривал телефонный кабель. В последний раз он позвонил с отметки 600 метров. Связь работала. Они ушли дальше. На отрезке от 600 до 800 метров в виду того, что кабель был в хорошем состоянии, и ребята знали, что наверху ночь и все спят. И меня решили не тревожить ночью, поэтому на связь не выходили до того, как оказались на глубине 800 и поставили лагерь "Недра-2".

Когда решили вызвать нас по телефону, связь не работала. Немного отдохнув, Овчаренко с Шаповаловым пошли вверх искать повреждение. Они его нашли, но потратили на это массу времени. А повреждение было аккуратно упрятано под глыбу, лежащую на наклонной галерее, чуть ниже 700м. Кто-то из киевских или томских ребят (спелеологом его не назовешь) перебил молотком провод, обрубленные концы связал узлом и спрятал под камень. И это не единичный случай.

Позже, на Украинском спелеослете, у нас состоялся разговор с киевскими спелеологами Сашей Климчуком и Валерой Рогожниковым об этих прискорбных фактах. Поговорили, выяснили, Им было кое-что известно об этом. " Этого парня у нас уже нет, - с горечью в голосе сказал Саша - выгнали мы его."

Все же история эта у многих надолго останется в памяти. Мы не собираемся судить этого человека, но не понять, что он хотел этим сказать.

По каменным ступеням Кырк-тау

24 августа. Сегодня уезжает Женя Русанов. Мы все привыкли к нему. Еще бы пару дней ему побыть у нас. "Спасибо, что помогли мне кое-что понять" - сказал он на прощанье и помолчал, добавил: "А может еще встретимся как-нибудь и где-нибудь".

Гротус, Шмырев, Белинский уходят на источники, ставят ловушки для флюоресцина. (Ловушка - это дюралевая капсула с множеством дырочек, в которую засыпан активированный уголь, поглощающий и накапливающий краситель, который мы намерены выпустить в воду текущую по пропасти). Должна же где-нибудь выйти окрашенная вода?

Телефон молчит. Девчонки терзают меня, почему не пускаю их в дыру работать. Что им сказать? Разве не понимают, что сейчас не до них.

Бегу на кухню. Зовут дежурные. Мне протягивают ложку с подозрительным содержимым. "Это эксперимент с баклажанами, - говорит Юра Савутин - Как вы думаете? Поймут или не поймут?" Я в затруднении. Толпа эксперимент не оценила.

Приезжают местные пастухи, просят помочь вытащить лошадь упавшую в воронку. Глубина ее метров 10-15. Лошадиные спасработы. Пусть меня простят за жестокость, но лучше уж лошадиные. Лошадь спасли.

Проходит день. Связи нет. Настроение в лагере упало еще на несколько пунктов. Верно говорят, что самое трудное ждать и догонять.

25 августа. От группы Бобрин по-прежнему нет связи. Вниз уходит группа Сережи Белинского для заброски продуктов и снаряжения для лагеря "Недра-2". Я сижу на связи. Ребята все время проверяют кабель. Быстро доходят до глубины 400 метров в лагерь "Недра-1". Там никого нет. Располагаются на непродолжительный отдых. Опять звонок. Сережа говорит, что слышит голоса. Кто-то поднимается в лагерь. Прошу Белинского оставить телефон включенным. Проходит несколько томительных минут. Слышно, как ребята переговариваются друг с другом, "Гена, Гена - это Вася Даниленко" - раздается взволнованный голос Сережи. "Подать сюда Даниленко" - ору я в трубку. Подходит Вася, отвечает на вопросы. Голос его разносится по всему лагерю. Все стоят и слушают затаив дыхание. "Все нормально, все сделано, все выходят".

Как хорошо, когда слышишь такие слова. Я вылезаю из палатки, потягиваюсь с наслаждением. Какое прекрасное солнце. Какие замечательные горы. Какой цветастый, живописный Лагерь! А ребята!!

Я вхожу в норму, теперь можно и поспать. Просыпаюсь от громких песен несущихся из кают-компаний.

Разрядка напряженности произошла. В полночь вышли Родичев, Овчаренко, Даниленко. Переоделись, умылись, и не поев, тут же завалились спать.

26 августа. В шесть утра я стоял у входа в пропасть и смотрел, как Леонов выползал из щели и что-то шептал черными пересохшими губами. Он вылез, сел на камень, Обвел всех улыбающимся взглядом и попросил закурить. "Все вопросы потом - сказал он, обращаюсь ко мне, и глубоко затянулся сигаретой. Вышли Шаповалов и Бобрин. Юра курил почему-то стоя. Он был явно недоволен чем-то. Бобрин поздоровался, рассматривая всех сквозь замазанные грязью стекла очков, потом сказал: "Такое ощущение, что у этой дыры нет конца", - и медленно пошел к палатке.

Я чувствовал, что-то произошло там внизу. Парни вышли из дыры какими-то другими, не такими как обычно.

Решил не задавать вопросов. Знал, что придет время, они сами подойдут и все расскажут.

Ребят моют, кормят. Лариса Вершинская стонет от обильного наплыва пациентов. У всех ободраны руки, а вдобавок они еще распухли, но как сказала Галина Кочербитова - Ложку держать могут".

Связь с группой поддерживается регулярная. Идут быстро и слажено, о чем свидетельствуют регулярные доклады с разных глубин пропасти. Задачи этой группе ставятся следующие: доставить мешки с продовольствием и частью снаряжения на глубину 700м и выходить на поверхность с отдыхом в лагере 400м.

Я занимался какими-то делами в лагере, а их хватает всегда, когда меня позвали к телефону.

- Базовый слушает, - сказал я и сразу же замолчал. Там, внизу, не отключили телефон и было слышно, как Гена Штеер и Сережа Белинский спорили друг с другом - кому вести со мной переговоры. То, что я уже на связи они очевидно не заметили.

По каменным ступеням Кырк-тау

- Давай ты,
- Нет, давай ты, - с мольбой в голосе парировал Геша, Это у него здорово получалось всегда.

- Ну в чем там дело? - Вмешался я в перебранку. - Что вы не можете там поделить?
Несколько секунд царит молчание. Я представляю как там, под землей, они суют трубку друг другу в руки. Затем послышался голос Белинского:

- Тут дело вот в чем, Геннадий Серафимович. Мы сейчас на 600 метрах. Вот и подумали просить вас, чтобы Вы разрешили спуск до 800м. Ведь совсем не много осталось. Колодцы все небольшие остались. Здоровья у нас достаточно... Знаете, все же интересно, что там дальше. Да и мешки Вашей группе потом не тащить, сил у вас останется больше.

Геша что-то шептал Сергею, но я слов разобрать не мог.

- Что там Геша шепчет тебе, и что он думает на этот счет? - спросил я.

- Геша - "за" говорит, что выгода во времени для вас будет большая, и вообще мы Вас очень просим положительно ответить на этот вопрос".

Пока Сергей говорит, у палатки собрались ребята и слушают его прошение. Я смотрю на Пашу Петрова, Сашу Шевчука, Евдокимова и по выражению их лиц пытаюсь определить - согласны они или нет.

Мы конечно нарушали разработанный график, но выгода все же была, Тем более, что предыдущая группа сработала неважно по времени.

- Пусть идут - сказал Паша Петров.

- Сережа, Идите. Только перед каждым колодцем выходите на связь. Кроме того, у вас есть несколько сот метров нового телефонного кабеля, по своему усмотрению заменяйте им старый. Мы выйдем завтра утром. Ждите нашего прихода, Подниматься будете, когда мы придем к вам, чтобы не создавать сутолоки на отвесах.

- Все понял. Спасибо. - Прокричал Сергей. - На связь буду выходить часто и все докладывать.

Плечом к плечу над пропастью

Сегодня все наши усилия, естественно, сосредоточены на подготовке к спуску следующей штурмовой группы - группы "Д.". Возвращаются Гротус, Беляев, Шмырев. Ловушки на крашенную воду выставлены. Ребята с восторгом рассказывают о гостеприимстве местных жителей.

"Принимали нас, как своих сыновей", - говорит Коля, - мне даже назад уходить не хотелось, вдруг опять заставят резать хлеб на сухари". Ребята из группы Бобринина "зализывают раны" ходят по лагерю, как сонные мухи, все еще не могут привыкнуть к свету и яркому солнцу. В лагере слишком шумно. Вначале не могу понять, в чем дело. Прислушиваюсь. Ну, конечно, ситуацию нагнетает Шевчук, ни на секунду не закрывает рта: что только не услышишь от него - и истории из армейской жизни, и приключения во время горноспасательных соревнований, и события бурной молодой жизни (в свои неполных двадцать пять себя он уже считает стариком). Немного взвинчен. Направляю его к Леонову, еще раз проверить все снаряжение, которое мы берем с собой. Мирон Михалевич занимается горючим и продуктами. Смотришь на него и диву даешься: есть ли нервы, ни один мускул не дрогнет на лице, ничем не выдает своего волнения. Олег Чурин и Сережа Евдокимов готовят все для топо съемки и гидрогеологических наблюдений. Термометры, компасы, мерные шнуры, этикетки, мешочки для проб валяются вокруг них.

Сам лентяйничая. Хожу от одной группы к другой, в душе не то, чтобы тревожно, но и не слишком хорошо, если можно так выразиться. Подхожу к палатке Паши Петрова. Готовит личные вещи. Немного словен, чуть насупившись, отвечает на мои вопросы. Настроивается. Ухожу, сейчас говорить с ним бесполезно, да и всем нам надо тоже настроится. Это последняя группа, которая пойдет глубже и дальше, мы должны подвести итог работы всех, кто там уже был. И даже, если мы не достигнем дна пропасти, это не будет поражением, это не будет неудачей. Потом придут другие, которые закончат наше общее дело. Мы многого хотим от этой пропасти и, чего греха таить, ждем, что она окажется глубже французских пропастей. Так что действительно, надо настроится на любую ситуацию, которая может случится там, под землей.

И все же мы дойдем до дна.

По каменным ступеням Кырк-тау

Утро 27 августа. Ярко светит солнце, но пока не жарко. Сегодня группа "Д" уходит под землю. Все готово. Готовы подземные лагерь, налажена телефонная связь (теперь, мы думаем, она не подведет), создан запас продуктов, снаряжения, топлива. Это даст возможность работать в пропасти 6-8 суток, а за это время мы надеемся достичь дна и провести все необходимые наблюдения.

9.15 - начало штурма. Все заметно нервничают, ажиотажа, впрочем, нет. Присутствуют только "представители" прессы, врач и дежурные по лагерю. Лариса Вершинская тайком дает Петрову таблетки седуксена, как потом выяснилось, для меня. Петров потерял их, не дойдя до 400 метров.

Кочербитова, дядя Вася фиксируют наше одевание в пещерные доспехи на фото. Бобрин, взгромоздившись на небольшое возвышение, снимает на кинолентку "исторический момент".

Очень жарко в гидрокостюмах, Пот льет ручьями. Скорее бы в относительную прохладу пропасти. Не спеша застегиваем комбинезоны, проверяем свет, сосредоточено и старательно вяжем грудные обвязки. Но пальцы как будто забыли знакомые до автоматизма движения.

Чтобы не выдавать своего волнения, просим помощи у присутствующих. В стороне лежат забытые и брошенные шесть увесистых транспортировочных мешков. Лучше о них не вспоминать. Они еще попортят нам крови под землей. Если грубо охарактеризовать работу спелеолога в пропасти, то она в конечном итоге сводится к простым двум словам: Тянуть мешки.

Все одеты. "До дна хоть на подтяжках! - орет Шевчук. - Превратим поселок Ургут в центр мировой спелеологии!" Выстраиваемся в ряд. Обнимаемся позируя собственным спелеофотокорреспондентам. Щелканье затворов, жужжание камеры. Все это немного расслабляет, но это не надолго. По себе знаю, это волнение, которое охватывает спелеолога перед спуском в пропасть, проходит после двух-трех колодцев. Начинается работа и тут уж не до переживаний, успевай только тянуть, тащить, страховать, спускаться ниже и ниже, и тут смотри в оба.

Беру мешок и иду к входу. Петров на уступе первого колодца.

- Ну чтобы здесь было все нормально, обо всех делах срочно информируйте меня - говорю я Дворянину и вползаю в узкое горло пропасти. Евдокимов и Михалевич следуют за мной. Чурин и Шевчук замыкают группу.

Мы собираемся на первом уступе. Надо перевести дыхание, да и глаза должны адаптироваться к мраку подземелья. Очень жарко. Пот заливает глаза. В нас очень много поверхностного тепла. С сожалением думаешь, как скоро его уже не будет хватать.

- Ну что? Поехали? - прерывает размышления Петров. Мы начинаем катиться вниз.

Работаем слажено и почти молча. Мы прекрасно понимаем друг друга и знаем, что надо делать. Спуск проходит быстро. Идем тройками: Петров-Пантюхин-Евдокимов и Чурин-Шевчук-Михалевич. Уже на двухсотом метре начинает лить вода. Дыра действительно очень грязная, но больше захламленная. Очень интересная геология в стенках колодцев - видны складки и четкие элементы залегания пород. К часу дня мы уже в лагере на 400 метров. Останавливаемся на отдых. Пускаю по кругу флягу с напитком из глюкозы, лимонной кислоты и воды. Перекуриваем и снова вниз. Колодцы сменяются узкими извилистыми ходами, в которых нам приходится тяжело с мешками.

Несколько раз переговорили с группой Белинского. Они уже встали, готовятся к подъему и готовят для нас обед. Приходим на 700 и сразу же, не задерживаясь уходит до лагеря "Недра-2". Пожалуй участок от 700 до 800 самый гнусный. Колодцев мало, ход - узкая наклонная щель, стены, как мы говорим, корродированны, множество острых выступов, зубьев, о которые мгновенно можно располосовать гидрокостюм. Продвигаемся осторожно, в некоторых местах играем в "передачку" - растягиваясь по щели и передавая друг другу мешки по цепочке. Так легче, да и время экономится.

Уже чувствуется запах лагеря. Свечи, примуса, человеческие тела согревают воздух, и он устремляется вверх. Подходим к 28 метровому колодцу. Смотрю вниз на лагерь. Живописная картина. Ее конечно не сравнить с видом на лагерь в Снежной на глубине 500 метров, с высоты 160 метрового колодца, но все же наш лагерь тоже заслуживает внимания. Ярко светится палатка, на полках горят свечи, от кипящей кастрюли валит пар, медленные движения парней, полумрак. Все это создает удивительный подземный пейзаж.

По каменным ступеням Кырк-тау

Кричу ребятам вниз. Они дружно отвечают на приветствие. Пропасть наполняется шумом голосов, усиленных акустикой подземелья.

Встегиваю рогатку⁸ в веревку и спускаюсь. Меня встречают Славик Горох и Геша Штеер. Помогают отстегнуться от веревки, берут мешок и ведут к палатке. Спускаются Евдокимов, Петров, Михалевич, Шевчук, Чурин. Все. Мы прибыли.

* * *

Лагерь уютный, правда, небольшая лужа в центре зала создает неудобство, но это не беда, главное, чтобы в палатке были сухие спальники и тепло.

Ребята из группы Белинского по одному уходят вверх. Последние пожелания успеха. Мы остаемся одни. Сообщаем на поверхность о нашем прибытии и готовимся к отдыху. "Спать до утра", - говорю я и ныряю в спальный мешок, еще сохранивший тепло моего предшественника.

Когда живешь и работаешь под землей, то постепенно перестаешь различать день и ночь, попадаешь во власть биологического времени. Сон и работа. Стараешься, конечно, работать 7-8 часов, но это редко удается. Описывая дальнейшие события, я не буду упоминать время. Все спуталось, а, вернее, нам даже было и неинтересно ночь там или день, солнце или тучи и только ради приличия спрашиваешь о погоде. Нас сейчас интересовало только одно: что там дальше в глубине, что ждет нас, какие преграды уготовила нам пропасть.

Проснувшись, лежали в спальнях мешках, курили, вели ничего не значащие разговоры. Можно было бы и встать быстро, но как подумаешь, что надо натягивать на себя мокрую, холодную "гидру"⁹, вся охота шевелиться пропадает. Поэтому подъем долгий, ленивый, тянем время. Да и спешить-то пока нет необходимости. Петров готовит завтрак - это по нашему времени, а там, наверху, может, уже и обед. Одеваемся медленно. Чурин и Михалевич укладывают спальные мешки в полиэтилен, чтобы не отсырели. Звоню в базовый.

План наших действий простой. Петров, Шевчук и Михалевич со снаряжением уходят вниз и идут пока есть веревка и желание. Евдокимов, Чурин и я берем продукты, палатку, топливо, один трехместный спальный мешок, надувные матрацы и уходим за ними с некоторым интервалом времени. Попутно делаем топосъемку и геологическое описание, а первая тройка тянет телефонную связь. Задача второй тройки - найти место для подземного лагеря, как можно ниже. Передвижной подземный лагерь, я давно задумывал такой эксперимент и сейчас решил осуществил его.

Поставив лагерь мы будем ждать возвращение первой тройки, они будут отдыхать, а мы уйдем работать. По необходимости, лагерь можно передвигать все ниже и ниже.

Ребята уходят и скоро их голоса затихают в глубине пропасти. Упаковываем транспортники, убираем лагерь. Заправляем бензином примуса на будущее. Ребята, наверное, ушли далеко. Можно выходить и нам. Олег с Сергеем делают топосъемку. Я занимаюсь геологией. Двигаемся не спеша, только чтобы не замерзнуть. Отстаю от ребят и по топосъемочным точкам описываю все, что привлекает внимание с гидрогеологической точки зрения. Немного отвлекает монотонное изречение цифр топосъемщиками, да иной раз ловишь себя на том, что думаешь о тех, кто впереди тебя. Как там они?

Доходим до восьмиметрового колодца и опустившись в него видим, что наш поток получает приличный приток воды из бокового хода, который не очень широк и высок, но обильно зарос натеками. Воды становится больше - около 10-12 литров в секунду. На хорошем колодце придется принять освежающий душ. Пока ребята делают съемку, перетаскиваю мешки, и складываю их в небольшом расширении в щели. От мысли, что назад не придется тащить продукты, становится легко и радостно. Сократится количество мешков.

⁸ Рогатка - приспособления для спуска по веревке. У Ленинградских спелеологов существовал стандарт, по которому во внутреннее отверстие ее должна была проходить рука в верхонке, с зажатой двойной веревкой. Размеры этих агрегатов породили популярную в те годы загадку: «Что у ленинградца ниже колен болтается?» Правильный ответ: «Рогатка. А вы что подумали?» Верхонка (жаргон) - брезентовая двупалая варежка, для торможения веревки при спуске. (Примечание редактора-составителя)

⁹ «Гидра» (жаргон) - гидрокостюм. (Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

Возвращаюсь к ребятам. Иду на точку, на которой закончил описание геологии. И опять все сначала: Азимут, угол наклона Трещина, известняки, уровни, зоны трещиноватости, цвет, запах, глина, песок, и т.д.

Ребята меня ждали. Они далеко ушли, пока я занимался описанием участков пропасти, и какое-то время я их вообще не слышал. Сейчас они сидят в небольшой камере, чуть выше потока. Мощно работал водопад, заглушая голоса.

Сергей наклонился ко мне и прокричал: "Помокнем старик. Как у тебя гидра, не течет?" Я закивал головой. Пока не промок, хотя на некоторых колодцах приходилось спускаться в струях подземного потока.

Сидели курили. Оттягивали "удовольствие" - водную процедуру. "Эх, была не была" - сказал Олег и начал готовиться к спуску. За Олегом спустился я. Колодец был приличный - пятьдесят семь метров, но, как мне показалось, нормальный. Во всяком случае веревки не крутились. Душ правда принимаешь сполна, но привыкаешь пока спускаешься. Сергей переправил все мешки и присоединился к нам. Место было хорошее. Что-то вроде небольшого зала. Русло потока глубокое, рядом, как по заказу, полка. "Это будет кухня" - решил Олег. В левой стенке, по ходу, пропасти была большая сухая ниша, как раз для палатки. Раздеваемся. Переодеваемся в сухое Свитера под гидрокombineзоном мокрые - это конденсат¹⁰. Олег занимается устройством кухни и приготовлением пищи. Смотрю на часы. Работали семь часов. Это нормально для первого дня. Сергей устроившись на небольшой полочке считает примерный метраж пропасти в глубину. Вооружившись ножом и молотком расчищаю место для палатки. Выравниваю небольшое возвышение в нише. Обращаю внимание на песок. Он какой-то черный, с блестками. В нем попадаются округленные куски плотной, черной породы. Подзываю Сергея и вместе пытаемся определить, что же это такое. За моя спелеологическую деятельность такое встречается впервые. Беру фонарь, осматриваю стену и замечаю, что черная полоса протягивается вверх по двум противоположным стенам. С двух сторон этой полосы - серый известняк.

Все становится понятным: жильное магматическое тело. Как показал позже спектральный анализ - щелочного состава.

Выходит ли эта жила на поверхность? Или застыла не достигнув ее? Замеряем мощность жилы, ее элементы залегания, отбиваем образцы на анализ.

Растягиваем палатку, готовим спальники, одним словом создаем уют. Лагерь получается на славу. Пожалуй намного лучше двух предыдущих. Главное, он в сухом месте.

Снизу доносились глухие неразборчивые голоса первой тройки. К сожалению мы не можем вызывать по связи базовый лагерь и первую тройку, которая под нами работает в пропасти и у которой есть телефонный аппарат. У нас только наушники¹¹, и чтобы поговорить с теми или другими, надо сидеть и ждать их вызова. Как только мы решили разбить лагерь, Евдокимов быстро надел наушники и подсоединил их к телефонному кабелю, но было, как выяснилось потом, поздно. Связь первой тройки с Базовым лагерьем уже закончилась. Она состоялась в тот момент, когда мы сидели на краю пятидесяти семиметрового колодца. И вот сейчас, находясь в лагере "Недра-3" на глубине 900 метров (по предварительным подсчетам Сергея) снизу слышим голоса ребят, мы не можем понять: или они возвращаются к нам, (тогда в чем причина?) или идут слишком медленно, что мы смогли почти догнать их.

Сидим, пьем чай и гадаем о возможных причинах. Раздается долгожданный вызов. Сергей протянул руку и снял наушники с полки.

- Евдокимов слушает - сказал он - Тебя - он протянул наушники и как-то озабоченно посмотрел на меня.

¹⁰ Технология одевания спелеолога построена на знании свойств материала одежды и условий работы в гидрокостюме. Известно, что при работе человека выделяется энергия излишки которой, через потоотделение(испарение) выделяются наружу. Поскольку гидра -изделие по определению герметичное - вся испарившаяся с поверхности тела влага конденсируется на внутренней стенке ее(блага с наружной стороны есть все условия для интенсивного охлаждения). Конденсат впитывается одеждой и каково приходится человеку в мокрой одежде знает наверное каждый. Чтобы этого избежать, спелеолог последовательно одевал легкое белье, шерстяной свитер, и сверху трикотажную хлопчатобумажную футболку. Пары влаги, пройдя сквозь свитер и футболку конденсируются на внутренней поверхности гидрокостюма и впитываются х\б футболкой оставляя остальную одежду сухой. В настоящее время широко используются специально разработанные синтетические утеплители вместо шерстяных изделий.(Примечание редактора-составителя)

¹¹ Телефонная связь осуществлялась при помощи простых телефонных трубок и центрального, базового, усилителя. Связь между группами была возможна только при одномоментном нахождении на линии связи. Поэтому практическая связь работающих в пещере групп осуществлялась через поверхность, вернее, через дежурного у базового телефона. (Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

- Алло, говорит Базовый, это Дворянинов. Гена, ты слышишь меня? - скороговоркой зататорил Виктор.

- Слышу, слышу. Ну что там у вас? - ответил я.

- Не у нас, а у вас. - Отпарировал он. - Ребята дошли, кажется, до дна. Большое озеро. Шевчук нырял, но безрезультатно. Они уже поднимаются к вам.

Я слушал сообщение Виктора и чувствовал, что на меня навалилась ужаснейшая тяжесть. Подняться я был не в силах.

- Что ты молчишь, - кричал Виктор. - Ты слышишь меня?

- Да - сказал я, и отдал наушники Сергею.

Позже Виктор сказал мне: "Ты знаешь, я не понял твоего "да". Или оно относилось к тому, что ты слышишь меня, или, что ребята дошли до дна. Уже потом я сообразил, что это относится к последнему. В этом "да" было столько горечи и минорных чувств, что мне стало не по себе".

Сергей еще долго говорил с Дворяниновым. Олежка сидел растерянный и какой-то даже испуганный. Я долил себе чая и, обхватив горячую кружку руками молчапил, не чувствуя ее тепла. Что мог я сказать, хотя чувствовал, что выговориться не мешало бы. Была злость, злость на пропасть, которая не смогла быть глубже других, которая кончилась так просто и неожиданно. Как будто она была виновата в этом?

Каждый из нас, сидящих в лагере, а также Петров и Шевчук, и Михалевич, испытывали какие-то, прямо сказать, не радостные чувства. Такой конец!? А мы так надеялись... Хорошо сказал об этом Сергей Евдокимов и я думаю, он выразил чувства всех нас: «... Минуту назад Дворянинов сообщил, что Петров, Шевчук, Михалевич достигли дна». Я взглянул на разочарованные лица ребят и поймал себя на мысли, что думаю о пещере, как о живом существе, которое обмануло нас, оказавшись слабее, чем сулило.

Голоса первой тройки все отчетливее доносятся снизу. Вскоре они с жадностью глотают горячий суп-кашу, и чай. Рассказывают перебивая друг друга. Шура пробовал нырять под стены в поисках хода, но все безрезультатно. По всей вероятности, нужны акваланги, но это будущее. На следующий год будет экспедиция Центральной секции спелеотуризма, мы это знали. Вот они и проделают разведку озера с аквалангами.

Наш план работы упрощается до минимума. Первая тройка, налегке, без мешков, которые она вытянула к нам в лагерь, и в которых лежит 500 метров веревки мертвого, увы не нужного нам груза, уходит наверх в лагерь "Недра-2".

Мы, Евдокимов, Чурин и я, ложимся спать и после отдыха, уходим вниз, отснимем оставшуюся часть, попробуем поискать продолжение, Сделаем гидрогеологическое описание, отберем пробы воды и известняков. Вернемся в лагерь, сняв снаряжение с колодцев.

Провожаем товарищей наверх. Забираемся в теплую палатку и засыпаем. Сплю беспокойно. Несколько раз просыпаюсь, слышу, как дергается Олег. Что-то бормочет. Конечно близость водопада в полсотни метров создает определенные неудобства для отдыха, но что делать, спать-то надо. Под неумолчный аккомпанемент текущей воды многое может привидится. Это со мной уже не раз случалось. Да и с другими спелеологами тоже. Первый раз, когда я ночевал в Кизил-Кобе¹², в 1959 году, долго не мог уснуть, слушая, как из глубины пещеры доносятся человеческие голоса. Вот и сейчас слышишь голоса ребят, разбираешь даже, кто и что сказал, хотя отлично знаешь, что спят они далеко наверху. С усилием прогоняешь наваждение и с интересом начинаешь разбирать в тесном хороводе звуков и шум ручья, и капель, и падение камня, и мирное посапывание соседа по палатке. Так уж устроена человеческая психика - однообразие впечатлений она пытается заменить своей фантазией.

Спали долго. Часов 9-10. Встаем, плотно едим, натягиваем наши мокрые доспехи и уходим вниз, предварительно позвонив на поверхность. Снимаем последний участок пропасти, до большого озера преградившего нам путь.

Внимательно осматриваем стены, может, удастся уловить жильное тело и на этом участке. Но пока безрезультатно. Лишь на наклонных участках лежат окатанные желваки черной породы.

Этот отрезок пропасти почти вертикальный, глубину набираем быстро.

¹² Кизил-Коба - знаменитая Красная пещера в Крыму. (Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

Километровая толща над головой. Это необычно и давит таки на психику. Я чувствовал, что мои действия более осмыслены, каждое движение, каждый шаг был рассчитан до тонкостей, точно вместо головы была ЭВМ.

Мы спускались все ниже и ниже. Я пытался найти место (его мне подробно описал Климчук), где спелеолог из Томска, как мы говорим "схватил" переохлаждение. Интересно, как это могло произойти¹³? Воды много, и она очень холодная, но главной причиной этого ЧП это не могло быть, все же шерстяное белье и гидрокостюм достаточно надежно защищают, да и работа не дает замерзнуть. Возможно причина переохлаждения в другом. Тогда в чем же?

От этих мыслей меня отвлекли Олежкины слова: "Вроде бы последний колодец".

Вот и озеро, это - конец. Оно лежало в огромном зале, своды которого терялись во мраке. В лучах фонарей его поверхность отсвечивает изумрудом. Нет, это не его естественный цвет. Такую окраску кристально-чистой воде придает сильнейший органический краситель - флюоресцеин¹⁴. По появлению краски в источниках можно будет судить о пути который проделает под землей вода.

Олег с Сергеем занимаются топосъемкой зала. Я детально веду геологическое описание, замеряю все трещины на стенах, может они расскажут о геологических процессах, которые здесь произошли, закрыв продолжение пропасти. Олег обнаружил трубу в стене и устремляется туда. Может быть, там можно пройти дальше? Может, это древний сифонный канал, который уведет нас дальше в глубины плато Кырк-Тау? Через несколько минут он присоединяется к нам. Слов не надо, все написано на его лице. Евдокимов отбирает образцы известняка. "Со дна КИЛСИ"- многозначительно говорит он, улыбаясь.

Еще раз осматриваем стены. Смотрю на выпел Симферопольской секции и на металлическую капсулу с контрольной запиской¹⁵, которую мы оставляем в зале. Они висят на вбитом в стену шляпбурном крюке. Встегиваю самохваты в веревку и ухожу наверх.

Возвращение

Начался самый сложный этап нашей акции: выброска снаряжения.

Снятые с вертикалей веревки упаковываются в транспортировочные мешки и количество их растет от колодца к колодцу. Пока мы выходили к лагерю "Недра-3" их набралось уже двенадцать.

С удовольствием снимаем с себя мокрую одежду. Комбинезоны давно уже превратились в лохмотья, одеваем их мы чисто символически, они уже не спасут гидрокостюмы от повреждений, а нас от холода. Олежка хлопчет на кухне. Откровенно говоря, есть совсем не хочется. Вот крепкого, настоящего чая или кофе, это я с огромным удовольствием. Говорю об этом скромном своем желании, и как по волшебству, Сергей достает целлофановый пакет с молотым кофе. Я совсем забыл об этой продовольственной роскоши¹⁶. Вспоминаю, что Галина Кочербитова специально хранила его для нашей группы.

Готовлю кофе сам. Его запах разносится по всему лагерю. Становится как-то уютнее и теплее. Крепкий, ароматный кофе, приготовленный в алюминиевой кружке с соблюдением почти всех правил кофеварения... На глубине 900 метров... Это ли не прекрасно! Все-таки есть маленькие радости в нашей суровой жизни.

Заработал вызов связи. Рассказываем о своих делах, планах на будущее, договариваемся с Петровым о времени прихода их группы к нам. Узнаем "верхние" новости. Забираемся в палатку. Обрабатываем материалы топосъемки и геологии.

Дела в лагере "Недра-2"- неважные. Петров порвал гидру, и сидит наполовину мокрый. Утеплитель использует он паралоновый, но тот хорош только при целой гидре. А мокрый -

¹³ . Как потом говорили ребята, спелеолог Б. (с ним мы были вместе на сборах инструкторов в 1971г.) пару лет перед этим готовился к защите кандидатской диссертации, удачно защитился и прямо с защиты уехал в экспедицию. Тут его и подвело ретивое. С диагнозом "острая сердечная недостаточность" нашим коллегам пришлось транспортировать его на поверхность. Возможно существуют и другие версии этого события. (Примечание редактора-составителя)

¹⁴ Флюоресцеин - сильнейший органический краситель применяемый в гидрогеологии для выявления направления передвижения водных потоков. Визуально фиксируется даже будучи разбавленным в пропорции 1:10000000. (Примечание редактора-составителя)

¹⁵ Контрольная записка - записка оставляемая в конечной точке маршрута служит подтверждением факта прохождения маршрута группой, снимается следующей группой и возвращается оставившим ее с описанием обстоятельств. (Примечание редактора-составителя)

¹⁶ Популярный анекдот тех лет: "Подружились в "Артеке" два мальчика. Один - из Бразилии, другой - из города Перми. Пишут друг другу письма. Бразилец пишет: У нас жарко, хожу без штанов, по утрам пью горячий кофе - на что наш ему отвечает : У нас холодно, но если бы я пил по утрам горячий кофе, то тоже бы ходил без штанов".(Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

не высушить под землей никакими силами. Кроме всего прочего, Паша ударился спиной и сейчас она неприятно ноет. Мирон лечит ногу. А Шура... Шура вымотан так, что просто молча лежит и мечтает наверное о Черном море, жарком солнце и бутылке холодного сухого вина.

Проснувшись, включаю фонарь и смотрю на часы. Спим уже больше десяти часов. Вот это сон! Никаких сновидений. Чистый воздух и гудящий водопад, к которому быстро привыкаешь прекрасно убаюкивает.

Поднимаю ребят. Надо спешить, скоро подойдут Петров, Михалевич, Шевчук поднимать мешки из 57-ми метрового колодца. Быстро одеваемся и упаковываем лагерь. Сверху колодца сквозь шум потока слышны неразборчивые голоса ребят. Пока Сергей с Олегом подвязывают транспортники, вытаскиваю посуду и оставляю ее на полке. Нам она уже не пригодится, а место и вес изменит в нашу пользу.

Собираемся на уступе и начинаем продвигаться по наклонной галерее, узкой и извилистой. Идем медленно, передавая друг другу мешки. Пелена тумана окутывает нас - от нашего учащенного дыхания, от производимой работы. Короткий отдых. Бросок наверх. Отдых - еще один бросок. Все продолжительней отдых, но уж близок лагерь "Недра - 2". Иду первым, за мной Шевчук. Пока я укладываю мешки в кучу, он, прижавшись головой к стене, отдыхает, ждет, пока Михалевич передаст ему следующий транспортник

Приходим в лагерь. На повестку выносятся вопросы - или располагаться здесь на капитальный отдых, или перекусить, испить горячего напитка и снова вверх до 700 метров. Пока работаем четыре часа. Доводы Сергея и Шуры обстоятельны: опять раздеваться, потом опять влезать в мокрое белье... Да, лучше идти наверх, тем более, норму часов не выработали. Решение принимается единогласно. Сообщаем в Базовый, что идем до зала Академии Наук УССР. Новость, как мне кажется наверху воспринимают равнодушно. "Вам виднее", - хихикнул Дворянинов" - если что, сразу вызывайте нас, чтобы мы были в курсе дела. Группа выброски готова. Ждет только сигнала на выброску. Так что до связи".

Обильно наливаемся сгущенкой сгущенным кофе. Хрустит на зубах сахар, полная кастрюля горячего чая. "Сейчас мы им покажем, что такое старики" - говорит Евдокимов, - Вот только глюкозы употребим побольше и..." - он припадает к банке со сгущенкой, жадно всасывая тягучую белую массу.

Груда мешков увеличивается по мере того, как снимается лагерь "Недра-2". Брали только ценное и необходимое, остальное заваливаем камнями, выравнивая площадку под будущее лагерь. Все, что горит, придается пламени. Все же набирается 18 единиц груза. Оставляем Олега для подцепки транспортников, сами поднимаемся на уступ двадцати семиметрового колодца. С боем дается каждый метр подъема. Перебросив груз из одной точки пропасти в другую, прижавшись спиной к холодному камню, мы подолгу отдыхали, приводя в нормальное состояние свое дыхание и ожидая когда утихнет усталость в руках. Тут уж не замерзнешь.

Однажды, когда случилась небольшая передышка, Шура, стоя в своей излюбленной позе (голова прижата к стене), выдохнул:

- Мама, видела бы ты своего сыночка, - и замолчал.
- А ты представь себе Шура, - подхватил я разговор. - Если бы люди вдруг смогли увидеть нас сквозь толщу известняков, как ты думаешь, чтобы они подумали и сказали глядя на нас. Шура помолчал, потом заикаясь сказал.
- Им бы стало страшно. - У ног его плюхнулся мешок и с воплем: "Эх!" он перекинул его мне.

За четырнадцать часов, мы перетаскивали весь груз с 900 до 700 метров. 200 метров по вертикали, за такое время? Это о чем-нибудь говорит? Комментарии, как говорится, излишни.

Когда мы вышли в зал Академии Наук УССР, смотреть на нас было страшно. Все устремились к ванночке в стене зала и начали жадно восполнять недостаток воды в своих обезвоженных организмах. Я уговаривал ребят не пить холодную воду, вскипятить кофе или чай. Но мои призывы были тщетны. В конце концов, махнув рукой на собственные призывы, сам с удовольствием осушил две кружки с водой.

Надо сказать, что хотя вода есть везде, но пить ее можно только в некоторых местах, так как по основному ходу поток грязный от непрерывной работы групп под землей.

По каменным ступеням Кырк-тау

Сообщаем на поверхность о благополучном прибытии в пункт назначения. Согласовываем время прибытия группы выброски, и начинаем готовиться к принятию сна. Петров, Михалевич, Шевчук забираются в небольшую нишу в стене, покрытую натеками. Там располагался лагерь Киевской экспедиции, приглашают и нас. Евдокимов недовольно вертит головой:

- Слишком тесно, я не килька - хмуро роняет он и начинает ставить палатку прямо на аккуратно выложенные транспортники под огромной глыбой лежащей среди зала.
- - Только пусть к колодцу не суются, пока мы не встанем. - Недовольно ворчит он.

Стелим надувные матрасы, спальные мешки. Ставим палатку и забравшись в ее утробу тут же засыпаем. Толчок в бок. С трудом открываю глаза. Слышу шепот Олега: "Гена, ты спишь?" Переворачиваюсь на спину и в полудреме говорю: "Спи, еще есть время". Просыпаюсь вновь от того, что хочу ужасно пить. Знаю, что за палаткой стоит кастрюля с чаем, включаю фонарь, высовываюсь из палатки и делаю несколько глотков. Становится легче. Начинаю укладываться вновь и слышу опять голос Олежки. "Ты почему не спишь?" - со злостью в голосе спрашиваю его и приподнимаюсь на локте. Сергей спит сном праведника¹⁷, ничего не нарушает его покой, даже наш разговор. Олег начинает задавать вопросы. Какая погода наверху? День там или ночь? Когда придут ребята за мешками? Ну и дальше в том же духе. Чувствую ему надо выговориться, отвлечься от чего-то. Что-то мучает его.

Мы лежим в темноте, тихо разговариваем. Внезапно до меня доходит, в чем кроется причина "веселого" его состояния. Ну конечно же, девяностометровый колодец, который нам предстоит преодолеть. "Эх, Олег! Тебе бы сейчас мужика понимающего толк в психологии, а не меня, который сам зажался в кулак и только по старости лет боится выдать свое состояние" - думаю я. Как могу, успокаиваю его и поболтав еще немного, засыпаем.

Нас будит резкий телефонный звонок:

- Группа выброски идет к вам, группа выброски идет к вам - монотонно выдает в трубку Витя Дворянинов. - Готовьтесь к встрече. Как ваше самочувствие?

- Все в порядке, все нормально, готовы к встрече, - отвечает Сергей и просит позвать кого-нибудь из пермских спелеологов.

Заканчиваем укладку последних мешков, когда слышим голоса группы выброски. А вскоре происходит буйный обмен приветствиями с Юрой Маштаковым, спустившимся сюда, чтобы привязывать мешки и для оказания помощи, как он выразился "ослабевшим товарищам".

- Наверх ребята, наверх. Я все здесь сделаю сам. - Кричит Юра, бегая по залу и собирая остатки снаряжения.

Я посмотрел на Олега. Ему явно было не по себе. Он привязывал, отвязывал и снова привязывал к ногам самохваты, стараясь занятостью сбить охватившее его состояние.

Вверх ушел Петров, затем Шевчук, Михалевич. Я подошел к Евдокимову и попросил его самохваты, так как на своих я выбирался довольно долго бы. У него были ножные - "габлера", а у меня ручные "жумары". Сергей помог мне завязать их и объяснил, как правильно ходить на них:

- Главное отвести чуть в сторону правую ногу, иначе самохват может проскочить, - несколько раз повторил он.

- Мы готовы - пророкотал, искаженный глубиной чей-то голос.

Встегнувшись в веревку, я повернулся к Олегу и сказал:

- Пойдешь следом за мной. - Он только молча кивнул.

Выбрался я довольно быстро. Весь подъем, по словам встречающих занял у меня пять минут с секундами.

- Ты что, с пропеллером? спросил Леонов Коля, который страховал меня. Я выскочил на уступ, и мы крепко обнялись. Приветствия были такими жаркими, что можно было подумать, будто мы не виделись несколько лет.

Я стоял как кукла, пока Вася Даниленко и Володя Родичев отстегивали самохваты, а Валера Мельников - страховочную веревку. Валик Овчаренко, вытащив из кармана комбинезона леденцы, угощал всех поднимающихся.

- Сейчас подойдет Олег, держите его жестко, что-то он не в форме, - переводя дыхание сказал я ребятам.

¹⁷ "Праведник" в это время тяжело пытался уснуть сам, но добавлять им еще и свои проблемы не стал. (Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

- Будет сделано, - ответил Леонов и страховочная веревка со свистом улетела в пасть девяностометрового колодца.

Чурин вылез на удивление быстро, правда, проскальзывал левый самохват, но Олег успешно справился с ним. Мы поднялись на уступ и стали ждать Сергея, Он выходил последним. Петров, Шевчук, Михалевич ушли своей тройкой в лагерь на 400, готовить горячее питье и перекус.

- Ну вот, а ты боялся, ведь так быстро вышел наверх и без приключений, - толкнул я в бок Олежку и рассмеялся.

- Это я со страху. А теперь я совсем другой.

Действительно, поведение Олега, его смеющиеся глаза, голос говорили о том, что его эмоциональный и физический балл стал намного выше.

Дождавшись Сергея, молча киваю на мешок с базой.

- Своя ноша не тянет - говорит он пытаюсь унять дыхание. - До четырехсот дотянем, ни фи́га с нами не сделается. - С лету понимая мою идею. Весу в мешке немного, расстояние небольшое, зато стать можно будет в любом месте.

Уходим за ребятами. Руки свободны один мешок не в счет. Идем быстро, Настроение поднимается с каждым метром. Олежка рвется вперед, мы с Сергеем стараемся не отставать от него. И откуда только силы берутся?

- Что? Солнце? Тепло почуяли? - орет Евдокимов снизу четырехметрового колодца и перебирая веревку руками (гимнастическим!)¹⁸ присоединяется к нам. Приходим в лагерь "Недра-1". Весело шумит примус. Снимаем комбинезоны, выкручиваем их. Без них как-то теплее, да и комбинезонами это тряпье назвать трудно. Отдыхаем, пока не начинаем мерзнуть. И снова к солнцу и свету, которые уже основательно забыты. Труден путь до тебя небо, когда идут пятые сутки пребывания под землей и когда кажется, что нет сил подняться и на метр.

Звоним на верх, в Базовый. На телефоне Сережа Белинский. Рассказывает, что к встрече все приготовлено. Для нас выделена отдельная палатка, сварен суп, каша. Ребята готовы поднимать нас из последнего колодца.

Александр Шевчук – через 15 минут после выхода на поверхность

ужин.

Первым появляется Пантюхин. Тяжело дышит и вываливается из входа. Мать честная! На кого похож! Физиономия в копоти и грязи, все порвано. Небрежно сбрасывает перчатки и говорит:

- Неужели вылез, Ларка?

Показывается Шевчук, из носа идет кровь, руки тоже в крови. Ложится спиной на глыбу, пытается острить. Появляется Мирон, Чурин. Показывается Пашкина голова.

- Ждем вас к 5-6 утра. - Заканчивает свой монолог Белинский.

Колодец 64 метра дается с трудом. Засиделись в лагере, но после него сложных отвесов нет и мы быстро набираем высоту. За четыре часа (своеобразный рекорд экспедиции) поднимаемся на поверхность. Было два часа ночи, когда мы позвонили в базовый лагерь в последний раз. Здесь я позволю привести запись из дневника Ларисы Вершинской:

"В два часа ночи - звонок на весь лагерь!"

- Сережа, тащите, мы на дне глиняного колодца. - Сережка ошалело смотрит на часы. За четыре часа! Феноменально! Будим ребят, идем тащить. Просыпаются девчонки из Перми, помогают разогреть

¹⁸ Гимнастический - способ подъема на невысокие отвесы до 5-6 метров, Когда поднимающийся опираясь ногами в стенку просто подтягивает себя руками по веревке. (Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

- Ну, Петров, еще рывок, - уговаривает он себя сам, и устало прислоняется к травке на борту воронки.

Паша Петров и Юра Шаповалов

Последним из дыры вылезает Сережа Евдокимов. Тихое "ура" разносится над долиной. Вся шестерка в сборе. Страшно грязные и мокрые ребята крепко обнимаются, целуются. Глаза радостно горят. Поистине, что-то святое в этом моменте.

Все смотрят на звездное небо. Над КиЛСИ горит созвездие Лыры. Наверное, природа специально создала такие пропасти, чтобы больше любить жизнь земную.

Все! Бросаю спелеологию!.. До завтра, - говорит Пантя.

Идем в медицинскую палатку. Ребята моются. Потом садятся вокруг по-турецки. Наливаю им по 50 грамм спирта, сегодня¹⁹

можно. Жадно набрасываются на еду. Сережа берет гитару и тихо поет. Как хорошо!¹⁹ Наверное ради этого стоило ехать за тысячи километров от Симферополя.

Утро встретило нас необычно ярким небом первого сентября. Лагерь жил своей обычной жизнью, а мы не могли отделаться от чувства какой-то нереальности окружающего. Все казалось бутафорским и не очень настоящим. И четко очерченный треугольник входа палатки, за которым - порыжевшая трава склона, пепельная гряда камней на вершине. Нереально голубое небо. Передвигающиеся по склону вороньи кони. Как будто во сне - сейчас кто-нибудь разбудит, и опять вокруг будут только холодные стены, чернота щелей и колодцев, да лица ребят нашей штурмовой группы.

Мы привыкаем к земле.

Первая группа выброски работает в пропасти. Несколько раз они звонят и говорят, что такого количества мешков им еще в жизни не приходилось переносить. Откровенно говоря, я беспокоюсь, что задание они могут и не выполнить, Поэтому регулярно напоминаю Валентину Овчаренко - руководителю группы и Коле Леонову, что мешки должны быть на отметке 400 любой ценой. Времени предостаточно. Работайте не спеша.

Евдокимов с Чуриным, обрабатывают результаты топосъемки²⁰ всей пропасти. Я занимаюсь вопросами продовольствия, лагерного хозяйства, но в голове крутится один вопрос. ПОЧЕМУ?

Почему пропасть закончилась так неожиданно и резко? Почему нет логического завершения? Как правило, перед тем, как карстовая полость заканчивается, идет наклонный ход с небольшими колодцами, затем выполаживающаяся галерея и сифон. Здесь же прямо противоположность вертикальный участок и озеро.

Уже в Симферополе, в кабинете, когда я построил разрез пропасти по науке, а точнее, закрутил все наклонные хода вокруг одной оси, проходящей через вход, загадка озера, причина окончания пропасти стала ясной. Посмотрите на разрез и план КиЛСИ. Жильное тело, обнаруженное на глубине 900 метров, подсекает восточную стенку зала. Уже после того, как образовалась пропасть, в результате геологических процессов в глубинах плато Кырк-Тау происходит прорыв, внедрение в толщу известняка жильных магматических тел. Внедряясь,

¹⁹ Это - не я, это Сережа Белинский. Наши пальцы были неспособны толком держать и ложку. (Примечание редактора-составителя)

²⁰ Математическую обработку, к моменту нашего выхода, провели пермские девчонки: Аликина, Сукрушева, Хлюпина. Поскольку не было в экспедиции транспортеров (их просто забыли), то пришлось изгаляться при построении плана и развертки с помощью компаса. Окончательные данные были получены уже дома при построении с помощью доступных тогда средств. (Примечание редактора-составителя)

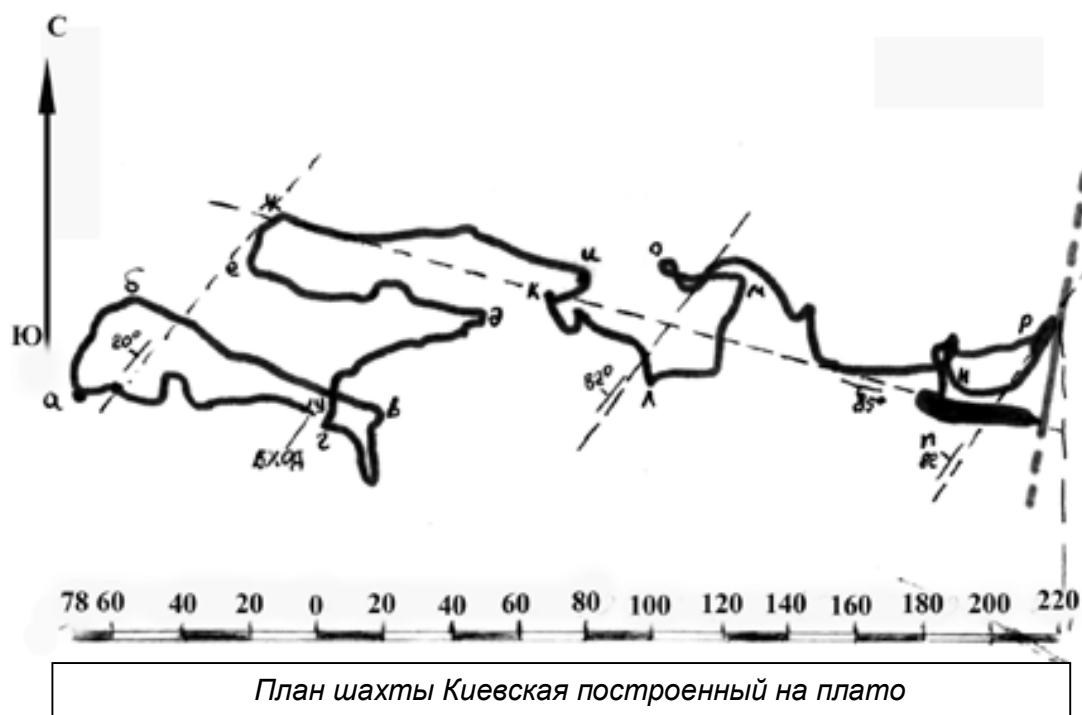
По каменным ступеням Кырк-тау

они создают зоны дробления и зоны обвалов. Вот во время этого процесса, когда магма поднималась и достигла полости, произошел обвал, который и закрыл дальнейший ход пропасти. Образовалось озеро. Сейчас уже точно известно (в 1976 году я только предполагал, но погружения красноярцев в 1977 году это подтвердили), что глыбы на дне покрыты толстым слоем ила. А вернее, глинистого материала, который обильно поступает в пропасть во время таяния снегов, когда могучий водный поток, размывая глинистые отложения котловины, несет большое количество глинистого материала в карстовую полость. Вода из озера быстро не уходит сквозь завал, которое является естественной плотиной, а озеро - водохранилищем в миниатюре. Она медленно фильтруется сквозь глинистые отложения которые покрыли глыбы многометровым слоем.

Возможно я не прав, но предполагаю, что во время паводков, когда огромные массы воды (мощность снегового покрова в котловине достигает 3-4 метров) устремляется в пропасть, и она заполняется водой до отметки 800, а возможно, и 700 метров. Уровень озера поднимается, так как вода не успевает разгрузиться по каналам на дне озера. Делая геологическое описание карстовой полости я обратил внимание, что стены до глубины 700-750 метров и ниже, до озера, покрыты тонким налетом глинистого материала. Когда происходит медленный спад воды, эти тонкие глинистые частицы остаются на стенках колодцев и наклонных галерей. На этом основании и сделано мое предположение. Абсурд! Скажет кто-то. Возможно, но я думаю именно так²¹.

Можно даже пофантазировать немного. Продолжение за озером есть, это точно. Может ли оно оказаться открытым для проникновения в него человека? Думаю, может. Опять таки нужен какой-то геологический стресс, ну например - землетрясение, которое вызовет распад глыб и откроет широкие щели, доступные человеку, в которые устремится вода.

Ну и еще вопрос: Где же на поверхности выходит вода из пропасти? Как было уже сказано, воду мы окрасили флюоресцеином, в результате чего она приняла зеленую окраску. Ловушки на эту краску мы поставили в источниках на склонах плато Кырк-Тау. Сняв ловушки,

мы привезли их в Симферополь, где обработали в лабораторных условиях. Оказалось, что окрашенная вода вышла в двух источниках: Карабулак и Ходжадых (соответственно южный и северный склоны плато). Это позволяет сделать вывод, что движение подземных вод происходит вдоль тектонических нарушений к пунктам разгрузки - крупным карстовым источникам на склонах плато Кырк-Тау.

²¹ Напомню дату, когда писался материал - 1978г. (Примечание редактора-составителя)

По каменным ступеням Кырк-тау

Все это было позже, когда мы вернулись домой. Пока же первостепенной нашей задачей была выброска снаряжения.

В 10 утра выходят Овчаренко, Даниленко, и Мельников. Мешки на 400-м метре. Чуть позже появляются Маштаков, Леонов, Родичев. Ребята, чувствуется, выложились основательно.

Нездоровится Коле Леонову, болят почки.

- Нет, ты понимаешь, - обращается он ко мне - лезу по шестидесятнику и чувствую, как у меня поднимается температура, а потом эта боль. Повисел, отпустило немного, я опять наверх. Что такое? Не пойму.

Лариса Вершинская уводит ребят в палатку. От больных нет отбоя. Заболели Петров и Шевчук.

Готовится под землю вторая группа выброски - Бобрин, Шаповалов - руководитель, Кравченко, Лукин, Савутин, Калашников. Они должны доставить груз с 400 до 200 метров.

Подходят Чурин и Евдокимов. В руках у Сергея полный разрез полости. Разворачивает

- По нашим подсчетам, глубина пропасти КиЛСИ -1028 метров. - Говорит он. - Ну сам знаешь, при съемке допустимые ошибки плюс-минус пять метров на каждую сотню. Хошь - прибавляй, хошь - отнимай.

Я молчу. Да, с глубиной получается неувязка. Киевляне и томичи, прошли 1030 метров и не достигли дна. Мы дна достигли и - 1028 метров. Что-то надо придумывать. Собираю штаб Экспедиции. Съемочные группы. Разбор обстоятельный и долгий. Решаем дать глубину пропасти 1082 метра. Прибавив к измеренной предыдущей экспедиции глубине пройденные нами 54 метра вертикали.

Всесоюзная экспедиция 1977 года выдала глубину 940 метров + 10 метров положили на глубину озера.

Вопрос глубины встал очень остро. Руководители экспедиции 1977 года в категорической форме заявили, что только их съемка является правильной. Проведено только две топо съемки и утверждать, что только твоя съемка правильная просто не солидно. Но самое интересное произошло еще через год на Всесоюзном совещании по карсту (Сухуми-1978г.), когда на стенде были вывешены и план и разрез пропасти (съемки Центральной спелеосек-

По каменным ступеням Кырк-тау

ции). Оказалось, что участок от жильного тела до озера снят ими неправильно (даже в геологическом плане), и это было доказано, несмотря на ожесточенную дискуссию. Кроме того, съемка еще двух наклонных участков оставляла желать лучшего.

Вот такая ситуация сложилась с глубиной пропасти КИЛСИ. Кто прав, кто виноват, покажет время. Еще не одна спелеосекция будет штурмовать эту пропасть. Вот когда будет несколько топосъемок, тогда можно будет говорить о глубине этой уникальной карстовой пропасти.

С тоской думаю о том, как мы будем уносить всю эту массу снаряжения вниз. Силы не те. Уже сейчас готовим все ненужное снаряжение к переноске. Тогда я еще не знал, что Галина Кочербитова готовила нам блестящей сюрприз. Пока мы были под землей, она с Малковым, Шмыревым, Горохом, уезжали в Самарканд за авиабилетами. С этим было трудно. Мы попали в дни пик. Галина пошла в Самаркандский обком партии просить помощи, попала там на прием к Квасовой Луизе Васильевне, рассказала о наших достижениях и проблемах.

Галина писала в своем дневнике: "Это было мудро послать меня в Самарканд сразу после дыры. Вид у меня был мало сказать измученный. Я не драматизировала события, когда излагала Квасовой суть дела. Я просто сказала все как есть. И как делается дыра, как собирается топливо, вода... Я рассказала ей, какое значение для геологии может иметь наша работа".

С билетами было улажено. Но помощь Квасовой пошла дальше. У нее на приеме должен был находиться в эти же часы генеральный директор "Самаркандгеологии" Леменовский Владимир Анатольевич, и когда он появился в кабинете, ему были представлены члены экспедиции. Так Галине удалось договориться насчет вертолета.

На другой день Кочербитова, Шмырев, Горох вернулись в Базовый лагерь, а Малков был отправлен в поселок Китаб в геологическую партию, откуда он должен был прилететь к нам с вертолетом. А чтобы не выдать "вертолетного секрета" в лагере было сказано, что Коля получил солнечный удар и должен два дня провести в больнице.

Бегая по лагерю, я услышал звук вертолета. В первый момент подумал, ну мало зачем и к кому. Геологических партий в районе много.

- Корреспонденты приехали! - завопил кто-то.

Все высыпали из палаток и следили за винтокрылым тружеником, который кружил над нами. Ко мне подошел Евдокимов:

- Слушай, если этот аппарат сядет, то пойдем договоримся, может быть он выбросит нам наше барахло.

Он говорил это с таким видом, будто это был не вертолет, а ГАЗ-51 и зафрахтовать эту машину пара пустяков. Сделав круг над нашим "летным полем", вертолет скрылся за горкой и шум его винтов затих. Мы ринулись туда и... каково же было наше удивление, когда перед нами предстал целый и невредимый Коля Малков. Тут мне все стало понятно. Договариваемся, что вертолетчики прилетят за нами 3 сентября. Договариваемся о месте, куда мы должны сложить снаряжение и груз.

Ушла под землю вторая группа выброски. Остальные зализывают раны. По вечерам над лагерем тихо. Песен не поют, больше спят. Он говорил это с таким видом, будто это был не вертолет, а ГАЗ-51 и зафрахтовать эту машину пара пустяков. Сделав круг над нашим "летным полем", вертолет скрылся за горкой и шум его винтов затих. Мы ринулись туда и... каково же было наше удивление, когда перед нами предстал целый и невредимый Коля Малков. Тут мне все стало понятно. Договариваемся, что вертолетчики прилетят за нами 3 сентября. Договариваемся о месте, куда мы должны сложить снаряжение и груз.

2 сентября. У нас кончились соль и сахар. Михалевич и Шевчук пошли на верхнюю базу геологов, добыть недостающее, а заодно встретить и Юрия Роста - моего старого знакомого, еще по учебе в Ленинградском Университете. Он представляет теперь "Комсомольскую Правду".

В 15 часов - звонок из пропасти. Мешки на 200 метре. Уходит третья группа выброски: Штеер, Гротус, Кочербитова, Малков, Вовк, Белинский. Кажется конец близок. Еще немного усилий и мы закончим нашу работу.

Чуть позже я, Михалевич, Шевчук, Юрий Рост, спускаемся под землю до 100 метров помогать тащить мешки.

- Не сладкая у вас работа - заметил Юра - что-то я удовольствия не получаю.

По каменным ступеням Кырк-тау

- Оно будет потом - заикаясь говорит Михалевич, - Там, наверху, у Пантюхина, есть бутылка армянского коньяка".

В пять утра, последний мешок был вытащен из пропасти.

3 сентября. Просыпаюсь, смотрю на часы: 5 часов утра. Вылезаю из палатки. Прохладно. Уже третий день осень.

- Лагерь! - кричу я - кто может - подъем!

Выползают из палаток все. Кто может и кто не может. Последнее построение на Кырк-Тау.

Я смотрю на шеренгу ребят. Как здорово мы все-таки изменились за эти три недели. Как хорошо узнали друг друга. Узнали, кто чего стоит. Молчат парни. Молчу я. Да и надо ли говорить, и так все ясно. Каждый внес свою лепту в достижение общей цели. Каждый отдал свои силы, все без остатка, чтобы легче было товарищу, который был рядом. Я смотрю на ребят. Они ждут что я им скажу сейчас, на последнем нашем построении на Кырк-Тау. Набираю побольше воздуха, готовясь к длинной "официальной" речи, но неожиданно для самого себя говорю: "Экспедиция закончилась. Поздравляю. Спасибо".

Этим же вечером экспедиция была в Самарканде. Вертолет прилетел 4 сентября и за три ходки перенес наш груз в поселок Китаб. Откуда 5 утром он был доставлен в Самарканд. Все усиленно расслабляются. Бродят по базару: среднеазиатские арбузы, дыни, виноград и лепешки пользуются повышенным спросом. Регистан снимается всеми фотоаппаратами экспедиции.

В какую чайхану ни зайдешь, обязательно встретишь участников экспедиции, усердно поглощающих зеленый чай.

Ждем дня вылета. Утрясаем дела с отправкой груза в Симферополь. В редакции газет "Правда Востока" и "Ленинский путь" нам устраивают пресс-конференцию. Скорей бы домой, но немного грустно покидать этот теплый, гостеприимный край.

Последняя ночь нашей среднеазиатской эпопеи. Все стали задумчивыми. Тоска по дому. Мы сидим под навесом на Самаркандской базе альплагеря "Артючь". За забором истошно орет ишак. Слышен шум самолетов в аэропорту. Сидим молча. Каждый думает о своем.

Завтра домой. В заключение хочу назвать всех, стоявших со мной плечом к плечу, в этом непростом приключении.

Всем им моя искренняя благодарность и уважение.

Самарканд - Симферополь. Август 1976г. - август 1978г. Пантюхин.

Участники экспедиции

№	Ф.И.О.	Город, секция, обязанности
1	Аликина Иулиания (Лиля)	Пермь ВИВ
2	Белинский Сергей	Симферополь, Крым-550, спас.
3	Беляев Юрий	Симферополь, Крым-550
4	Бобрин Валерий	Красноярск Штаб
5	Васин Василий Иосифович	Симферополь Крым-550 Комендант
6	Васин Василий Васильевич	Симферополь Крым-550
7	Вершинская Лариса	Симферополь Крым-550, врач
8	Вовк Олеся	Львов Циклоп
9	Горох Ярослав	Львов Циклоп
10	Гротус Николай	Симферополь Крым-550
11	Даниленко Василий	Симферополь Крым-550 спас
12	Дворянинов Виктор	Ялта, начспас
13	Дружкин П.	Самарканд
14	Евдокимов Сергей	Пермь ВИВ спас. Штаб. связь
15	Интанкин Игорь	Самарканд
16	Калашников Владимир	Симферополь Крым-550
17	Кочербитова Галина	Симферополь, Крым-550, продукты, финансы

По каменным ступеням Кырк-тау

18	Кравченко Владимир	Симферополь, Крым-550
19	Леонов Николай	Симферополь, Крым-550, завснар
20	Лукин	Симферополь, Крым-550
21	Малков Николай	Симферополь, Крым-550
22	Маштаков Юра	Симферополь, Крым-550
23	Мельников Валерий	Симферополь, Крым-550 завснар
24	Михалевич Мирон	Львов Циклоп штаб
25	Мицук	Симферополь Крым-550
26	Никищенко Александр	Ялта
27	Овчаренко Валентин	Львов Циклоп
28	Осипов Николай	Ялта
29	Пантюхин Геннадий	Симферополь Крым-550 Начальник
30	Петров Павел	Симферополь, Крым-550 Зам.Начальника
31	Пройдаков Григорий	Симферополь, Крым-550
32	Пушкова Ирина	Симферополь, Крым-550
33	Родичев Владимир	Симферополь, Крым-550 спас
34	Савутин Юра	Симферополь, Крым-550
35	Сукрушева Людмила	Пермь ВИБ
36	Текутов А.	Самарканд
37	Тимохин И	Симферополь Крым-550
38	Фоминых Наталья	Симферополь, Крым-550
39	Хижняк	Симферополь, Крым-550
40	Хлюпина Татьяна	Пермь ВИБ
41	Чурин Олег	Симферополь Крым-550 спас
42	Шаповалов Юра	Севастополь
43	Шартакова	Симферополь, Крым-550
44	Шмырев Валерий	Пермь ВИБ
45	Шевчук Александр	зам. Начспас
46	Штеер Геннадий	Симферополь Крым-550 спас.

По каменным ступеням Кырк-тау

Первый километр

(записки участника)

©Евдокимов С.С.

Пермь – 2000

По каменным ступеням Кырк-тау

* * *

Незаметно подкрался и растаял в тумане былого непризнанный юбилей советской спелеологии: 20-тилетие преодоления километровой отметки глубины в пещерах СССР. Хотя, наверное, не юбилей не признан, а не признана километровой покоренная в августе 1976 года, шахта "КИЕВСКАЯ", тогда КилСИ, что расположилась в отрогах Зеравшанского хребта вблизи поселка Ургут.

Будущий историк советской спелеологии, буде такой найдется, изучая отчеты и значительную, по тем временам, прессу, изумленно увидит цифру 1082 м. Однако в списках глубочайших полостей стоит достаточно скромное, но не менее значимое 980 м, да и то появившаяся через несколько лет после обнародования в 1977г. официальной цифры (940+10м глубины озера), стараниями Саши Климчука и Володи Киселева.

Столь большая ошибка могла говорить либо о полном неумении снимать вертикальные полости, либо о вмешательстве потусторонних сил. Но за многие годы занятий спелео, не сподобился я как-то встретиться под землей с какой-нибудь чертовщиной (даже неудобно писать об этом, сейчас только и слышишь, что о видениях, призраках, трогликах да транспортации тушенки через горы и время).

На поверхности с чертовщиной встречался, впрочем силы были отнюдь не потусторонние. Но начнем по порядку.

* * *

В экспедицию Пантюхина на КилСИ (первоначальное название КИЕВСКОЙ) попал я по воле судьбы - случайно.

Так казалось мне тогда²². Случайно оказался у дверей, за которыми проходило заседание ЦМКК-спелео, обсуждавшее состав экспедиции. Случайно попался на глаза, выскочившему с того заседания, взъерошенному Паше Петрову, с криком:

- Да найдем мы, Гена, эти десять человек с четверкой/Б... Вот... - взгляд его остановился на мне. - Серега, у тебя четверка Б официальная, есть?

- Есть, Назаровская²³ до дна.

- На КилСИ с нами пойдешь?

- Если возьмете.

- Гена, берем?

- Берем.

Так я стал рядовым участником экспедиции поименованной затем в официальных бумагах, как второй этап Всесоюзной экспедиции по изучению плато Кырк-Тау. Нагрузив на себя ПЭБЭЛы и экспедиционную связь, выторговав право взять с собой несколько человек из секции.

* * *

Секции нашей тогда исполнилось только пять лет. Особых успехов на союзном поприще не было, мы только начали осваивать другие регионы страны, и исповедовали тогда простой хороший принцип: **мы ходим по Пещерам, а не делим власть и славу**. К тому моменту я был инструктором и уже дважды дисквалифицированным (в 73 и 75гг.). Тогда это делалось с легкостью необычайной и за малейшее нарушение (например - за не поданный вовремя отчет о проделанной работе).

Побывали правда уже в Подолии (Оптимистическая, Кристальная, Озерная), на Кавказе (Назаровская, Географическая, Примусная, Ручейная), в Крыму (Красная, Солдатская, Ход Конем, Бездонная, Баир). Не только по пещерам лазили, но и с людьми общались. И вот лестное приглашение крымчаков.

История покорения Киевской к тому моменту была коротка:

В 1972г. Киевские спелеологи начинают изучение плато Кырк-Тау. Две экспедиции этого года (рук. Рогожников В.Я. и Климчук А.Б.) среди найденных 28 колодцев и шахт проходят

²² Если разобраться подробнее, то все вероятно решила активность и коммуникабельность нашей ВИВской команды, наше желание учиться и искать полезное у каждого. Вот и в тот раз, оказавшись на Всесоюзный семинар председателей областных спелеосекций (подмосковная турбаза Мин.Обороны. «Зеленый бор», февраль, 1976г.) я ведь не стены подпирал а смотрел, запоминал, учился.

²³ «Назаровская» - первая шахта Советского союза достигшая отметки 500 м. Расположена на Западном Кавказе, хр.Алек. Под Хостой.

По каменным ступеням Кырк-тау

одну глубиной 270 м. Ей дают название КиЛСИ (Киевская лаборатория спелеологических исследований).

1973г. На плато работают спелеологи Киева (общее руководство - Рогожников В.Я.) и экспедиция Томских спелеологов (рук. Коржинский Л.Н.). КиЛСИ пройдена до 500м. Поскольку достигнутая глубина шахты выводила ее пятерку крупнейших в стране, киевляне считали нескромным такое название и переименовали ее в КИЕВСКУЮ.

1975г. После годового перерыва Киевляне снова на плато (рук. Крапивникова Т.И.). Был преодолен завал на 500м. и достигнута глубина 700м. Сильно возросшая сложность пещеры привела к организации Всесоюзной Экспедиции в составе Киевской и Томской комиссий спелеотуризма.

В 1976г. Крымско-пермско-львовско-красноярско-самаркандская экспедиция под руководством Пантюхина Г.С. должна была продолжить работу. (Но побей меня бог, ни о каких этапах Всесоюзной экспедиции никто из нас тогда и не слышал).

За подробностями отсылаю к препринту Института Геологических наук. Карст массива Кырктау. (Зеравшанский хребет, Тянь-Шань) А.Б.Климчук, В.Я.Рогожников, А.А.Ломаев Киев-1981г.- подаренном мне первым из авторов.

В подготовку включились всей секцией, хотя принимать участие будет от Перми 7 человек. 4 мужика и 3 "тетки". Так у нас ласково называли своих спелеологинь. Много держалось в секции на их трудолюбии и активности. Да и физически... Когда в экспедиции кто-то из крымчаков небрежно попытался облапить скромную девочку, развязно бросив при этом:

- Так это Пермские бабы? - нахал был тут же поставлен на уши (в буквальном смысле, в буквальном - на самые что ни на есть уши). А хохочущим наблюдателям было твердо заявлено:

- Мы тетки. Просьба не забывать. - Но просьба пожалуй была уже излишней.

Вопрос чрезвычайно болезненный и достаточно интимный. Лично я сторонник грубого и неэстетичного лозунга внесенного в жизнь секций львовянами: "Бабе в спелеологии делать нечего". Ну разве, что до "тройки". Ну не дело карячиться в условиях совсем не комфортных, с тяжеленными мешками и в грязи. Я знаю, что сторонницы эмансипации в эту грязь меня моментально втопчут. Впрочем, это целая глава жизни любой секции. Вопросы пола, половые вопросы, особенно если секция молода. В плане затронутой темы, могу только сказать, что был влюблен во всех своих "теток" и за редчайшим исключением, они не давали повода усомниться в причинах этой любви.

Внутренним секционным договором однажды было установлено:

- Если личная жизнь мешает секционному течению дел, то источник этой флюктуации освобождает секцию от связанных с этим казусом проблемами. Такая постановка вопроса снимала много щекотливых ситуаций.

Способ связи с Пантюхиным был прост. Примерно раз в неделю приходило письмо, где Гена задавал пару вопросов по процессу подготовки экспедиции, на которые писались обстоятельные ответы. Поскольку работал он тогда в учреждении государственном, то бумажного голода не испытывал и вопросы эти нарисованные размашистым почерком красовались посреди стандартных листов. Лишь однажды поступила срочная заявка на сгущенку, ибо к тому времени она исчезла с просторов Украины и была единственная возможность добыть ее где-нибудь в глухом таежном Уральском леспромхозе. Было снаряжено несколько поисковых экспедиций и искомое нашли, как всегда, не в глуши а под боком, под Кунгуром на единственной в области турбазе "Уральской".

Не мудрствуя лукаво "поисковики" запаковали ее на ближайшем же узле связи в посылочные ящики которые заколотили огромными (70мм - не менее) гвоздями²⁴, и шесть пятикилограммовых банок благополучно совершили путешествие в Среднюю Азию, чтобы здесь неслышно протечь мне на штаны.

Ну об этом позже.

Над движущимися пружинами происходящих событий мы не задумывались, просто, как говорить, не брали в голову. Они - пружины-причины - сами стали находить нас. Первый звонок дзенькнул 5 августа телеграммой из Москвы.

²⁴ в пору всеобщего дефицита на почте не нашлось гвоздей поменьше.(примечание автора)

По каменным ступеням Кырк-тау

Выезжать мы собирались 12 числа, билеты уже были закуплены, продукты и снаряжение отправлены в Самарканд. Оставались последние штрихи... Закупить канистры под воду. Сесть в поезд.

И вот телеграмма. Срочная:

- "СЕРЕЖА ЗПТ СРОЧНО ПОЗВОНИ ТЧК ВОЛОДЯ ТЧК". Из моих хороших столичных знакомых - лишь один был Володей - Антонов²⁵. Звоню в недоумении ему.

- Володька, ты мне телеграмму давал?
- Нет. А чего давать? Всегда созвониться можем.
- А кто еще из знакомых - Володя?
- Да Илюхин²⁶, кто еще? У них там в Централке кипеш какой-то идет.

Выясняю номера телефонов Владимира Валентиновича. Звоню:

- Это Евдокимов из Перми беспокоит, - в ответ слышу напористое:
- Старик! Сережа! Как хорошо, что ты позвонил. Понимаешь, тут такое дело: мы с 16 августа проводим сборы инструкторов на Алеке. Нужны хорошие инструктора. Собирай рюкзак и приезжай. Все вызовы разошлем немедленно... Да, будут чехи, болгары, поляки. Ты ведь хотел связи завязать.

Я молчу, лихорадочно переваривая получаемую информацию: "Он ведь знает, не может не знать, что еду с Пантюхиным... Инструктором ХОРОШИМ... Конечно, лестно. Но ведь дважды и дисквалифицировал сам же. Иностранцы... Надо же, запомнил фразу сказанную несколько лет назад, потом часа два, за обедом выпытывал кто позволит, да разрешит. А убедившись, что никто за этим не стоит, отодрал прилюдно, как мальчишку. Осторожно проговариваю нарождающуюся мысль:

- Володя - раз мы на ты - получи. - Понимаешь я обещал Пантюхину. На КИЛСИ. Билеты в кармане, через неделю уезжаем. Все отправлено.
- Старик. - Тянет разочарованно мой столичный собеседник. - От Пантюхина ни слуху, ни духу. Даже заявочных до сих пор не прислал. Так что приезжай на семинар, не пожалеешь.
- Не могу я так Володя. Я обещал. Давай так - я прозвонюсь до Пантюхина...
- Да звонил я ему. Нет его. В поле он.
- ...Я попробую дозвониться... и потом перезвоню тебе... Хорошо?
- Ладно, но смотри - будет поздно. Хоп!
- Хоп. - Такой вот разговор. Потом выяснилось, что не со мной одним...

Правильно. Со всеми иногородними в штурмовой группе.

Двое уехали на семинар. Звоню в Крым. Пантюхин на месте, в ИМРе. Разговор в короткой Гениной манере:

- Да, едем.
- Да, документы давно оформлены, еще в июле.
- Нет, не знаю почему такой звонок. - И не выдержав "протокола", взрывается. - Если он хочет ехать с нами, пусть едет. Работу я ему найду... Ты едешь?
- Да.

-Тогда до встречи в Самарканде.

Звонить в Москву я не стал. Почему-то стало стыдно за Централку.²⁷

Едем мы поездом. Мы это я - Евдокимов Сергей, Шмырев Валера и Татьяна Хлюпина. В Самарканде должны нас ждать две геологини с геофака ПГУ, у них азиатская полевая прак-

²⁵ Антонов Владимир – Известный Московский спелеолог, мой товарищ по ВИС-71.

²⁶ Илюхин Владимир Валентинович – председатель Центральной Секции Спелеотуризма при Центральном Совете по туризму и экскурсиям.

²⁷ Как я сейчас понимаю (прим.1999 г.) отказ от участия в экспедиции снял бы многие наши пермские спелео проблемы в будущем.

По каменным ступеням Кырк-тау

тика: Лиля Аликина и Люда Сукрушева. Сидоров и Горбунов поехать не смогли. Причин, как в том анекдоте:

Император разносит коменданта крепости, не соизволившего салютовать короне.

А тот отвечает: "О сюзерен! У меня есть тысяча причин в свое оправдание. Из них: первая - в Арсеналах нет пороха".

Трясаясь с пересадками по маршруту Пермь - Свердловск - Оренбург - Ташкент, мы не предполагали, что вокруг Экспедиции бушуют уже не шуточные бюрократические страсти. Основная цель которых - не дать экспедиции дойти до дна. Возможно существовало невысказанное желание главного спелеолога Советского Союза лично совершить первопрохождение глубочайшей пещеры страны, что бесспорно украсило бы международную репутацию всего Советского спелеотуризма в целом.

Впрочем, я не настаиваю на этой версии. Вот просто факты: Еще в те январские дни ЦМКК (ее спелео подкомиссией) было ужесточено правило гласившее, что первопрохождение Пещер 5к/с могут совершать спелеогруппы из 6 человек с 4Бк/с. Исключительно в целях безопасности, и исключительно для нас, число это увеличили до 10 человек. Потом природа подкинула подсказку. В начале лета того года землетрясение основательно потрянуло нефтепромыслы в Газли и появилась уникальная рекомендация: - не проходить пещеру глубже 800 м. в виду прогнозируемых землетрясений. До сих пор, не могу взять в толк: а на 800 м., если трясина начнет, что, намного безопасней чем на 900? Ну это так, к слову.

Поездка в Азию на поезде, это отдельная книга, со своими героями, сюжетом, завязкой, кульминацией, развязкой. Мы едем через Свердловск – Оренбург – Ташкент до Самарканда - с пересадками и остановками.

В Свердловске наш вагон перецепляют к поезду на Оренбург. В ожидании его стоим шесть часов в тупике и оставив вещи на проводниц – уезжаем на экскурсию по городу на автобусе, а потом сами добираемся до Ипатьевского дома и возвращаемся на вокзал пешком.

Ночь и почти целый день спускаемся на юг вдоль Каменного пояса.

В Оренбурге бьемся у касс за билеты. Множество народу и никакого порядка. Ощущение, что лезут к вождельным окошечкам все враз. Толпа амебно колыхается, мелькают шальные лица... и все орут. Две попытки Валеры добраться до окошка оканчиваются ничем. Его просто выплевывает из этого коловращения – помятого и недоумевающего.

Меняем тактику. – Ухватив его за бока, используя в качестве тарана, удается на удивление легко и просто добраться до кассы и взять билеты. Несколько раз, правда, наскакивали какие то веселые парни: «А ты чё!» – «А надо!» И все. Ничего не понимаю...

Почти двое суток кочуем по степи и пустыням. Днем практически не слазим с крыши, проводницы – студентки Оренбургского пединститута, с ними общий язык находим быстро. И нам позволяют некоторые вольности.

Тяга здесь тепловозная. Ритм движения, хорошо видимый с верхней точки, завораживает. Станции поставлены через каждые семь километров, в прямой видимости друг от друга. Это стандартные деревянные сооружения, напоминающие небольшие уральские станции, с обязательными кирпичными водонапорными башнями в стороне, и паровозными водоразборными колонками у выходной стрелки. Изредка встречаются трубы артезианских скважин огороженные сеткой «рабица». Едва поезд прибывает на очередную станцию, как на соседней - вздымается облако дыма – начинает движение встречный состав. Мы чинно ждем его прибытия, после чего наш машинист «дает газу» – и мы движемся дальше.

Таким образом, мы уже в ночи, миновав берега мелеющего Аральского моря, оказываемся у стеклянных стен современного здания стоящего несколько на отшибе от основного. Станция «Тюра-Там». Проводницы открывают «страшную военную тайну»:

- Вон там Байконур, только он Ленинском называется. – и машут на север, где полыхает зарево большого города.

На третьи сутки, прибыли в Ташкент с изрядным грузом впечатлений и приключений. Не заставили они себя ждать и в Ташкенте.

Первое, что делаем окунувшись в вокзальную суету, гам и духоту азиатского города - идем к кассам. Нужно купить билеты до Самарканда. Здесь толкучка, ор почище чем в Оренбурге.

По каменным ступеням Кырк-тау

Но отработанный метод не помогает (там Валера служил тараном, который я успешно продвигал к заветному окошечку), каждый раз оказываемся на периферии очереди. Что за чертовщина?

Тут, у входа в кассовый зал сталкиваюсь с армейским сослуживцем. Сцена из дешевого романа. За восемь лет он серьезно раздался в ширь, этакий колобок, и ошалело выпрашивает у меня подробности гражданской жизни. Между тем, кассовый зал стремительно пустеет и я чертыхаюсь - наверное перерыв. "Нет" - кивает Толик на две фигуры в милицейской форме: "То были карманники" – кратко поясняет он...

Билеты приобретаем без проблем. Сослуживца уводит некая напористая дама, очевидно жена, наш походный антураж внушает ей явные опасения.

У нас назначенная встреча. По заветному телефону созваниваюсь с собкором по Средней Азии от газеты "Советский Спорт" - Балакин Степан Степанович. Он и его жена - Пташниковы Ирина Васильевна - это еще из моей школьной жизни. Семья «Балташниковых» давшая вкусить пьянящего чувства кострового братства, основатели дружного самодельного клуба ВИБ (Вперед и Выше) объединившего под крышей их небольшой квартиры альпинистов, туристов, спелеологов²⁸. Я не видел их одиннадцать лет: пока служил в армии, журналистские пути-дороги увели их в Азию. И вот, сдав в камеру хранения свой многочисленный багаж, едем к ним домой.

Что такое среднеазиатский темперамент, мы поняли едва попав в трамвай, который везет нас мимо Алайского рынка. Отсюда нам предстоит совершить несколько поворотов в разные стороны, чтобы достичь заветной квартиры.

Все те тридцать с лишним, минут, что мы стоим (стоим много больше чем едем) в вагоне разбирают "глобальную" проблему: суть которой прозрачна, как вода горного родника. Двадцать копеек (двугривенный), черненькие с лица (каждому попадались такие монетки), которыми гражданин пенсионного возраста пробовал расплатиться за проезд в общественном транспорте с кондуктором, вызвали самум эмоций. Изначально его (т.е. двугривенный) отказывались брать в качестве платежа. Деньги мол не те, не советские. Потом билет дали (3 копейки - 3/100 рубля), но не дали сдачи. Затем стали отбирать и билет и сдачу.

В этом представлении активное участие принимали все присутствовавшие: трамвай внезапно тормозил у первого попавшегося милиционера, вздымались к небу руки (про Аллаха - не помню), сыпался ворох слов. Притиснутые в угол, мы ошалело взирали на спектакль. Когда же добрались до Алайского рынка, сцена включала в себя:

а) пенсионера в разодранной рубашке;

б) бьющегося в истерике водителя нашего транспортного средства;

трамвай тем не менее все-таки продвигался вперед, что при видимом накале страстей, для наших северных душ было немыслимым явлением. У нас бы в Перми высадили всех и уехали в парк обложив по матушке каждого.

в) кондукторшу, резво произносившую обвинительную речь;

г) бурно реагировавшую публику.

Справедливости ради нужно сказать что состав действующих лиц был выдержан в лучших интернациональных традициях. Всех было поровну. Хозяева убеждали нас, что такого не бывает. Но...

Дома только хозяин. Остальные пережидают августовскую жару в горах. В комнатах пусто. Балташниковы никогда не обременяли себя излишком вещей, подвижная журналистская жизнь тому способствовала. В комнате где расположился хозяин дома, только тумба телефона и три поживших мужика, в великолепных «семейных» трусах, сидящих в креслах и яростно обсуждающих какую-то спортивную проблему. Внимания на нас не обращают, только заставляют принять душ. И то, от жары готов скинуть с себя не только одежду. Потом отправляют смотреть кино («Ирония судьбы или с легким паром» - подходяще зрелище для нынешней погоды), потом прогулка по ночному Ташкенту, когда дневной зной спадает, уступая место ласковому ветерку, со Степаном Степановичем и расспросы, рассказы и опять

²⁸ Правду сказать, в те годы не было деления на "чистых и нечистых". Вместе ходили по горам, тренировались на скалах, спускались под землю, искали стоянки древнего человека. Мы, тогда еще желторотые пацаны, готовы были, что называется дневать и ночевать там, строя большие и малые планы, часами, затаив дыхание слушали рассказы Володи Лисицкого, Игоря Черныша, Володи Борзова и многих других, чья дорога проходила через это по спартански скромное жилище.

По каменным ступеням Кырк-тау

расспросы. Поздно ночью отправляемся на вокзал, дав торжественную клятву по окончании экспедиции заехать и сообщить новости из первых рук.

Ночной вокзал встречает сиянием огней и практически непрерывной трелью милицейского свистка.

Она царила над всем, забиралась в самые укромные уголки, достигала вас везде, куда бы вы ни прятались.

Про поезд не знал никто и ничего: ни куда прибудет, ни когда отправится. С огромным трудом выясняем, что по всей видимости это будет четвертая колея. Да, собираясь в Азию, мы пошили себе анораки из оранжевого парашютного капрона (команда должна выглядеть командой). Валера, в качестве прибабаха, украсил свою бубенчиками, что используют рыбаки, привязав их к тесьме завязок капюшона. К станковому рюкзаку приделал колеса от детского самоката "Дружок". Настоящие дутики (идея постоянно витающая над спелеологическим сообществом, регулярно воплощаемая в жизнь, но в горах: "колеса, колеса... НОГИ!"). И теперь, под мелодичный перезвон, демонстрировал всем преимущества колеса на ровной дороге, лихо переносясь с одной платформы на другую. В конце концов, беготня нам надоела, и мы выбрали центральную позицию, свалив рюкзаки и канистры на третьей платформе.

Спустя полчаса, с момента отправления поезда по расписанию, с истинно азиатской чинностью, подкатил наш состав на... 6 платформу. Бросаемся туда.

У нашего, концевого, вагона огромное море голов. Проводников нет. Поэтому бьются окна, дверь открывается...

Хлюпина Таня

Вы не пробовали затолкнуть в горлышко бутылки враз сотни две размякших от летнего зноя карамелек? Достойная задача. Нам ее предстояло решить в ближайшие четверть часа отпущенные на погрузку. Так объявил всем некий усатый субъект в форме бригадира. Умиротворения в народе эти вести естественно не вызвали.

Чувство омерзительнейшее: ПРОЛЕТЕЛИ, как фанера над помойкой (как вариант более эстетичный - над Парижем).

По клубящимся слухам, в один вагон продали двойную порцию билетов. На ходу составляем тактический план: Валера, как самый худой, прихватив весь десяток канистр, хоть по головам, но прорывается в вагон, занимает минимум шесть мест лежачих, и обороняет их до прибытия основных сил. Евдокимов, с двумя станками (совокупный вес несколько более полутора центнеров - при собственном весе 86), имея в

авангарде Татьяну, старается продвинуть этот тандем на завоеванные места, на все готовенькое.

И началось. Звеня бубенчиками, бешено размахивая канистрами, исчезла в дверном проеме анорака Шмырева. Вскоре она замелькала в окнах вагона, где развернулась битва за плацдарм. Наблюдать за ее захватывающими перипетиями было не досуг. Я работал мертвым якорем. Используя приливы и отливы, напирających со всех сторон аборигенов, для движения к намеченной цели (туда нас несло само, обратно - я опускал на землю Валеркин рюкзак и упирался, упирался, упирался), удалось вдавить Татьяну в вагон. Ее появление на верхней ступеньке, с элегантным голубым станком, было встречено бессильным ревом возмущения. Толпа навалилась, но все проходы были заблокированы рюкзаками и ворочавшим их пермяком, смиренно прощавшим все оскорбления, наносимые его немногочисленной родне, до седьмого колена включительно. Какой-то не в меру горячий джигит пытался проскочить мимо без очереди, но был травмирован опущенным в этот момент рюкзаком, и с позором ретировался. Это движение "от", дало возможность закинуть Шмыревские колеса на первую ступеньку. Очередной прилив позволил перенести груз на следующую, но прижал второй рюкзак, сидевший на спине хозяина, к подножке. К счастью, в него вцепились руки соседей и оторвав дюйма на три от вагона дали возможность забросить мне на ступеньки ноги.

По каменным ступеням Кырк-тау

Остальное было делом техники. Толпа только изумленно ахнула, когда стряхивая повисших батыров, над ней вознесся огромный синий мешок с торчащими из под него изящными мужскими ногами средней волосатости. До Валерия Семеновича нас донесло уже без эксцессов. Мелькали лишь испуганные лица пассажиров, жавшихся по углам. Наш плацдарм оказался урезанным на треть, поэтому на двух полках улеглись рюкзаки и канистры, еще на одной полке разместились мои товарищи а на последнюю - взобрался я. Видок у меня был сыроват, и когда умащиваясь по удобнее - вытянул ноги, снизу донеслось гневное: "Течет! Течет!" то текли соки жизни, а может просто рабочий пот. Такова спелео проза.

Утром, часа за два до прибытия поезда к месту нашего назначения начинаем выбираться из вагона. И вовремя, последние метры в тамбуре преодолеваем с боем уже в Самарканде.

С огромными рюкзаками (наши фирменные станки), десятком разнокалиберных канистр в руках (при этом я яростно завидовал Шиве с его шестьюрукостью), мокрые от жары и серые от тончайшей пыли пронизывающей воздух, оглушенные раскаленным гулом азиатского города, предстали мы перед Пантей, мирно рисующего в тени чинар уютного дворика областного совета по туризму кроки, для опаздывающих нас. Обменявшись последними новостями и дав двадцать минут - на "разграбление города", Геннадий Серафимович придерживает слегка меня и дождавшись, когда вокруг не остается народу, спокойненько так сообщает: «Виделся с Климчуком Сашей, Томско-Киевская экспедиция прошла *Километр*. Дыра прет дальше». Не буду врать про мысли свои тогда, но не смотря на полу-тайну окружавшую эту новость (знали о ней пожалуй все, но боялись сглазить что ли?) дух витал над экспедицией рекордный.

А пока нас ждали будни заброски. Вся груда снаряжения заброшена стараниями техники и транспортного диспетчера на высоту перевала (это около 1500м над уровнем Черного моря.) Остающуюся тысячу с лишним метров, грузу предстоит преодолеть на наших плечах. Похоже фраза грозит стать ритуальной, во всех спелеомемуарах.

Первую ходку делаю слегка разгрузив собственный рюкзак под бдительным оком избранной тут же общественной комиссии в составе симферопольцев: спокойного Коли Леонова и шумливого Шуры Шевчука выступившего, ко всему, и инициатором ее создания. Комиссия призвана ограничить минимум загрузки рюкзака тридцатью килограммами дабы пресечь явление "сачков", явление у нас в Перми не развитого и вызывающее у меня легкое раздражение и недоумение. Ухожу, прихватив обломки ящиков в изобилии разбросанных на перевале. Кроме работы на заброске - мне сегодня кормить народ обедом и ужином. "А ресторанов здесь нема" - говорит дядя Вася - наш экспедиционный завхоз и комендант, поэтому дежурят все по очереди.²⁹

Нешадно палит солнце. Тени практически нет. Карликовые скалки (ростом мне по грудь) создают отдаленное подобие оазисов прохлады, где собирается всякая живность. Из одного такого оазиса торчат ноги и звучит музыка. Это отдыхает крымчак - Юра Маштаков. Прохожу не торопясь мимо. На приглашающий жест рукой, отрицательно качаю головой. Сидеть сейчас нет ни какого желания.

- Самолет угнали. В Японию. МИГ – 25. Летчик Беленко. – Делится он в пространство почерпнутыми из эфира новостями.

Еще несколько десятков метров и выхожу на небольшое плато граничащее с неглубокой (метров 200) долиной, на противоположной стороне которой пестрое пятно на выжженном склоне - наша промежуточная стоянка. Ниже, практически подомной, по тальвегу долины - кош, крошечные фигурки людей, кони, овцы и собаки. Про собак утром предупреждали успевшие побывать здесь крымчаки: - "набирайте камней а то загрызут".

Впрочем собакоопасное место прохожу даже не использовав заготовленный "боезапас".

Пока вожусь с костром, появляются Люда с Лилькой. Загорелые и ужасно довольные они помогают мне и попутно атакуют вопросами. Прибыли они два дня назад, и ушли на плато с

²⁹ В городской жизни - Васин Василий Иосифович - редкий мастер - отделочник из Симферополя, говорят к нему там записываются в очередь, как к модному зубному врачу. Сын его записался в спелеологи и дядя Вася пошел вместе с ним. Мужу скоро на пенсию, грузом его не напрягают, несет он нелегкую завхозовскую ношу и нет ему в этом равных. Еще десяток лет мы будем встречаться у экспедиционных костров. Наша переписка с ним – это, по-деревенски, обстоятельные рассказы о жизни секции, какие-то наши личные дела и проблемы.

По каменным ступеням Кырк-тау

первой крымской группой. А сейчас рвутся на заброску. Впрочем, их отправляют в лагерь у дыры с какими-то коробками.

Во вторую ходку забираю все три посылочных ящика со сгущенкой. И снова тропа упрямо карабкается по склону вверх. Полтора часа горных склонов и – промежуточный лагерь.

Попутно обнаруживаю живой интерес к собственной персоне небольших таких, желто-черненьких, опрятненьких, полосатеньких аборигенов. Возникая из раскаленного марева, совершают они облет согбенной моей фигуры, исчезая за пределами видимости в районе, что пониже станкового рюкзака, прочно угнездившегося на плечах. Через толику времени, снова мелькают перед взором, истаивают в пространстве, выполнив какую-то загадочную миссию. Причина столь явно выраженных симпатий выясняется когда сбрасываю рюкзак на сегодняшней стоянке. Поскольку гвозди которыми забивали посылки, как помните, были слегка длинноваты, то пробили они не только реечки и фанерки ящиков, но и сами банки. Пока все добро лежало тихо, не возникало проблем, но во вьюке, от тряски и перемены давления произошло неизбежное: банки понемногу стали пропускать сгущенку, что ясно показывали засахаренные белесые подтеки на ящиках и моих шортах. При ревизии потери были сочтены минимальными, но ящики подлежали теперь переноске в строго заданном положении.

Третью и последнюю ходку завершаем уже под вечер. Готовлю ужин при дружной помощи всего лагеря. Все хотят есть, да и свежий горный ветер навевает основательно позабытую, после целого дня хождения по прокаленным солнцем тропам, прохладу.

На следующий день, практически по ровному месту (каких-то триста метров перепада не в счет) заканчиваем заброску снаряжения и продуктов к обеду.

Прослышав о событии, на плато потянулся «пишущий брат». Первыми отметились местные журналисты. Затем в «воротах» (сужение котловины на тропе ведущей к лагерю) замаячила легкомысленная и почему-то розовая соломенная шляпка собкора радиостанции «Юность» А. Русанова. Последним, уже на выброску, обозначил свой интерес Юрий Рост от «Комсомольской правды». Всех их подводили ко входу, демонстрировали надпись оставленную предшественниками: «КиЛСИ-1032», угощали обедом, потчевали новостями и рассказами. Но только двое последних включились в работу экспедиции (разумеется в меру своих скромных спелеосил).

Начало экспедиции принесло и несколько мало приятных сюрпризов. Оказались забытыми топосъемочные комплекты, а из бумаги - в наличии была только туалетная да Пантюхинская полевая книжка геолога. Все: пикетажки, мерные шнуры, компаса, пикеты, линейки и транспортиры, карандаши и резинки осталось мирно лежать себе в Симферополе. Положение не спасали, прихваченные мной на всякий случай, горный компас и мерный шнур. В купе с Гениным компасом это решало проблему подземной съемки, но программа поверхностная была на грани срыва.

Поэтому в Ургут была направлена экспедиция Петров - Евдокимов. Цель - добыть недостающее и дать телеграммы в Крым и ЦМКК. Заодно нам надо встретить в Ургуте корреспондента радиостанции «Юность». Телеграмму дали, не существующее добыть не удалось. Корреспондента не обнаружили (он появился самостоятельно на следующий день после нашего возвращения). Аборигены шарахались от нас и дивились - почему мы шлындаемся по жаре, вместо того, чтобы сидеть и пить в тенечке зеленый чай.

Ургут остался в памяти огромным числом белых капроновых мужских сорочек, одетых на голову местными женщинами вместо накидки. Очевидно какой-то местный шик в моде.

Элегантный, слегка ироничный Паша Петров, никогда не поднимающий голоса. Даже если дискуссия поднимает тон и хлещет через край, он лишь машет рукой и говорит: «А, пускай себе». Что-то в наших душах притягивает друг друга и сдружились мы сразу и бесповоротно еще с Красной пещеры³⁰.

Вечер застает нас на пол пути к лагерю экспедиции и мы принимаем радушное приглашение геологов переночевать на базе, пристроившейся у скал, как раз на середине горного

³⁰ Красная пещера - грандиозная подземная галерея промытая рекой в недрах Долгоруковской яйлы в Крыму. Длина ходов более 13 км.

По каменным ступеням Кырк-тау

склона. Ночь проводим на свободной койке с панцирной сеткой, улегшись вольтом. Хозяйин ее работает бурильщиком в ночь.

Все ничего, но во втором часу ночи ворвались "гонцы", посланные в долину за спиртным и хлебосольные наши хозяева, разливая очередную "парцайку" огуречного лосьона («Мужики! Классная штука! Закусывать не надо!»), хронически забывали наше предупреждение про спортивный режим и безалкогольную жизнь. Поэтому еще часа два нас будили каждые пятнадцать минут громовыми возгласами: « Мужики! Пить будете?» и чей-то сердобольный, но не мене громогласный голос урезонивающий: «Да тихо ты! Устали ребята! Дай отдохнуть им!» Как ни странно, выспались мы прилично, и встав с первыми лучами беспощадного Азиатского солнца, уже через полтора часа любовались раскинувшейся панорамой рабочих буден экспедиции.

20 августа Володя Родичев, Юра Беляев, (Симферополь), Сергей Евдокимов (Пермь), Мирон Михалевич, Леся Вовк (Львов), Саша Осипов (Ялта), ведомые Пашей Петровы, делают сегодня заброску снаряжения до 200м. Первый выход добавил мелких проблем. Телефонный провод, оставленный предшественниками - перебит в нескольких местах, и это на первых ста метрах. Чтобы не искать обрывы, пришлось мне возвращаться на поверхность, брать свою катушку и провешивать новую нитку до лагеря 400.

На молчаливый вопрос Гены - ответил, что мой провод мне роднее. А топосъемку сделаю в свободное время своей бригадой, поскольку кроме проверки связи, взял на себя и это хлопотное дело.

Самохваты знаменитой фирмы (изготовленные самопально на западе Украины по четвертному за штуку) упорно не идут по глиняной веревке уже на первом колодце. Наученные прошлогодним горьким опытом использования "фирменной продукции" мы всем демонстрируем свои "гиббсы" и придуманный способ закрепления "стопа - колена". Высшая оценка наших усилий на этом поприще прозвучала на 900-метровой глубине из Пантинных уст под рев водопада на 45м колодце: «Серый! Эту пару я забираю себе - "жумары" выкину... Пусть другие мучаются».

Лагерный быт строг и непритязателен: с утра - построение; ставятся задачи на день. Но прежде чем разойдутся в разные стороны рабочие группы экспедиции, звучит обязательная фраза:

Палатки Пермского отряда на КиЛСИ

- Бабы - на дерьмо,
мужики - по воду.

При всей своей грубости, смысл в ней по житейски незамысловат и прост. Единственное топливо на плато – кизяк, остающийся от десятков мирно пасущихся лошадей. Огромные полиэтиленовые мешки наполненные продуктом переработки здешней скудной растительности весят ничтожно мало, по сравнению с втрое меньшими мешками со снегом. Воды проточной на поверхности нет. Ее добывают из воронок, в которых еще сохранился снег. А поскольку мы в

этом сезоне здесь не первые, то идти до уцелевших снежников придется минут двадцать. Воды постоянно не хватает и однажды блюстители личной гигиены устраивают себе баню, расплескав трехдневный неприкосновенный запас влаги.

По каменным ступеням Кырк-тау

Основной пункт моих переживаний - кадровый: чтобы наши не оказались слабаками на общем фоне, оказался напрасным. Пермяки держатся прекрасно, работают все инициативно и с энтузиазмом.

С дисциплиной здесь немного трудновато. В экспедиции высок процент новичков и начинающих, что создает определенные сложности. Забавно наблюдать за страданиями городского шаркуна, среди утомительного однообразия пожухлой растительности, беспощадного солнца, да серых скал. Выбитый из привычной колеи, по собственному желанию (!), переместившийся в совершенно другие координаты моральных критериев и оценок, он теряется, потом теряет сознание (оказывается азиатское солнце не щадит не только наши изнеженные Уральские шкурки, но и привычную к высокому ультрафиолету Крымскую кожу). Набиваются мозоли, где только можно, не говоря о бесчисленных волдырях от солнечных ожогов на лбу, ушах, носах и иных выступающих частях.

Похоже у Крымчаков идет какой-то, невидимый посторонним, внутренний процесс сопровождающийся криком, шумом и сильно натянутым консенсусом. В этом горниле выделяется активностью поджарая фигура Шуры Шевчука, всегда готового поруководить, выдвинуть свежую идею, или бросить всю силу своего голоса в защиту попираемых свобод и равенства (нести равный груз, дежурить на кухне, да мало ли в экспедициях причин для всеобщего равноправия).

Через дюжину лет мы узнаем, что примерно так рождается демократия. С демократией тоже напряженка. Как совместить высокие цели с низменными, но справедливыми гигиеническими требованиями? И подобных коллизий не счесть. Тот же гигиенический вопрос решается элементарно просто: хочешь подмываться носи себе воду сам - но до любителей коммунальных удобств такое решение само не приходит, приходится объявлять его на общем построении.

Пантюхин, Шевчук, Петров, Чуринов, Евдокимов, Михалевич, - фото перед нисхождением на память

21 августа. Сегодня под землю уводит свою группу заброски Шура Шевчук. Сережа Белинский, Олег Чуринов, Коля Малков, Володя Калашников, Коля Гротус, Валера Мельников, Юра Савутин (Симферополь), Ярослав Горох (Львов) несут и несут мешки под землю, которые станут нашими базами, навеской, питанием. Иницирую выход своей Пермской группы на топо съемку и климатические замеры. Действуем быстро и слажено, успевая проделать всю работу еще до выхода на поверхность группы заброски.

22 августа. Сегодня поверхностная съемка котловины, в которой расположилась пропасть. Ходим вдвоем с Пантюхиным. В это же время "тетки" строят план и разрез, просчитывают проложения и превышения и самое главное - отметку (т.е. глу-

По каменным ступеням Кырк-тау

бину пещеры). Отсутствие привычного инструментария осложняет работу, но голь на выдумки хитра, препятствие это обходим "по кривой". Правда времени уходит на это уйма. А вот и первая новость: лагерь 400 лежит на глубине 350м. Сообщаю это Панте. Внешне он не реагирует никак.

23 августа. Под землю уходит группа Валеры Бобринина. В ее составе - Вася Даниленко, Володя Родичев, Коля Леонов (все Симферополь), Витя Дворянинов (Ялта), Юра Шаповалов (Севастополь), Валентин Овчаренко (Львов). Красноярец уводит свою группу заброски до 800м, где должен поставит базовый лагерь и возвратиться обратно...

Гладко было на бумаге... Колодец 60 метров. На дне его лагерь 400. Но сам лагерь расположен на громадном, почти 20м каскадном натеке, поднимающимся в противоположную от места спуска сторону. Телефонный провод, чтоб не мешался, протягивают прямо к лагерю. На спуске - видя лагерь прямо перед собой - многие хватаются за него и начинают подтягиваться. Но параллелограмм сил - штука упрямая, и если в начале дело идет бойко, то при увеличении угла маятника рвется там, где тонко. А тонок провод (разрывное усилие 56кг). Размах маятника составляет к этому моменту уже метров 15, а наибольшая скорость у подвешенного к веревке тела где ? - Правильно. Там, где тело должно висеть свободно. - Оно и висит там свободно, пока товарищи снимают его с навески.

Витя Дворянинов увернулся. Сам спустился до дна. Сам поднялся до лагеря. Сам уговорил Пантюхина, что с ним все в порядке. Сам провел ночь в лагере на 400, ожидая возвращения группы заброски. Сам поднялся на следующий день на поверхность, когда стало ясно, что связь с группой потеряна. Завидую его мужеству. Сам исправил свою ошибку. Да только вот простых таких ошибок не надо. Диагноз: сотрясение мозга, множественные ушибы.³¹

Колодец с той поры как заколдовали. Только с пермяками знаю четыре аналогичных случая. А сколько окончившихся более благополучно?

А связь? До лагеря 400 к ней нет замечаний. Провод проброшен новый. А дальше? Дальше поработал нечистый дух, да не пещерный. Тот же дух, что козни чинил на поверхности. Провода оборваны и концы заделаны под камни.

24 августа. В штабной палатке тишина. Телефон безмолвствует. Все теряются в догадках. К вечеру выходит Дворянинов. Виновато отводит глаза и отправляется в палатку "зас...ев" так окрещен лазарет, где командует Лариса Вершинская, дипломированный медик и наш экспедиционный врач. Изящная женщина обязала всех докладывать о любых отклонениях от нормы, пардон, со стулом. Ввела жесткие правила мытья посуды и прочей сан. гигиены. Опасаясь дизентерии и поставили отдельную палатку под карантин. Куда немедленно помещаются все с замеченными отклонениями в жизнедеятельности организмов.

Воодушевленные таким началом лагерной жизни кое-кто попытался "скосить", однако все быстро поняли, что сидеть целыми днями в палатке значительно хуже, чем бегать по окрестным горам в поисках новых пещер. Поэтому палатка пустует. И по вечерам используется под кают-компанию, где поют и играют на гитаре Коля Леонов, Сережа Беляев, Валера Шмырев.

Изредка, кто-то из остряков, проделывает, как сегодня, дежурную шутку. От воронки с бунквой «М», марширует к палатке Пантюхина, ведомая Шурой Шевчуком колонна. По команде: "Стой! На ле-во! Смир-рно!" Шура подходит к Гене и докладывает:

³¹ Эта версия отличается от пантюхинской, но так она зафиксирована в моем дневнике.

По каменным ступеням Кырк-тау

- Товарищ начальник лагеря! Состояние стула у членов симферопольской команды удовлетворительное. Пуфик.

25 августа. В лагере общее ликование. Утром, часов около 10 вдруг ожил телефон. Голосом Васи Даниленко он вещал из лагеря 400.

- Алло! Алло! Базовый! Дайте Гену. Гена! У нас все зае...то. - Хохот собравшихся был ему ответом. Отовсюду бежал народ с единственным вопросом:
 - Что он сказал? Что он сказал? - Пантюхин продублировал:
 - Вася. Здесь женщины сбежались. Они не поняли, что ты сказал?
 - Так я ж говорю все в порядке! - удивляется он женской непонятливости - Мы сначала немножко притомились, потом долго проспали.
- Ничего себе - 36 часов машинально отмечаю про себя.
- Почему на связь не выходили? - допытывается Пантя.
 - А не работает она. Вот только на четыреста заработала.

26 августа. С микроклиматическими измерениями до 700м. уходит группа Сергея Белинского. Вообще то основная их задача это незапланированная заброска продуктов и горючего в лагерь 700 и прокладка новой телефонной линии. Пермьки занимаются геологической съемкой. Вечером к своей палатке зовет Гена. На связи Сережа Белинский. Просят пустить их до лагеря - 800. Я этих ребят знаю плохо (вместе мы не работали). Поэтому полностью полагаюсь на мнение Паши Петрова и Пантюхина. Нам будет немного легче.

27 августа. Ну вот наконец наступает и наше время. Встаем чуть свет, есть желание уйти под землю еще до того, как безжалостное дневное светило обрушит на нас всю свою мощь. Собираюсь быстро, весь снаряж готов еще с вечера, остается только тщательно упаковаться в свитера, конденсатник, гидру, комбенизон. Одеть положенную сбрую... Через пол часа я готов и чтобы не оказаться бездельником, готовлю спортивный напиток по рецепту Абалакова, способного придать нам сил в земных глубинах.

Нас под землю уходит шестеро: Геннадий Пантюхин, Павел Петров, Олег Чурин, Александр Шевчук - все из Симферополя; львовянин Мирон Михалевич и пермский спелеолог в моем лице. На шесть человек - семь транспортировочных мешков в которых база, продукты, и веревки на 500 метров глубины. Мы страстно надеемся пройти дальше французов. В экспедиции витает панибратское: "Бержуха"³² - подвинься". Окружающие молча наблюдают за процессом одевания. Паша ворчит: «Ну прямо утро французского короля». Наблюдатели и в самом деле пытаются упредить наши желания. Наконец то все готово. Солнце уже раскалило свою сковородку и все мы мокры, как церковные мыши. Провожать нас выходят всем лагерем. Фотография на память. Прощальные возгласы и мы по одиночке исчезаем в узкой и темной щели на дне небольшой воронки. Уходим на пять дней. Щелкают затворы фотоаппаратов,

Мы должны пройти по всем ступеням этой гигантской тысячеметровой лестницы, огромной спиралью уходящей в глубины плато. Должны дойти до пределов возможного и вернуться на поверхность, сняв план пещеры, составив ее геологическое описание, проведя микроклиматические наблюдения.

От лагеря 700 начинаем с Пантюхиными вести топосъемку. Из-за известных событий она оказалась не сделанной надлежащим образом. Одно из непреложных правил в этом деле - все делать по пути туда. На обратной дороге может не хватить времени, да и просто человеческих сил. Съемку веду в жесткой манере: все углы в 1-3 градуса считаются 0, используется любое зеркало воды для построения горизонталей, отвесы перемеряются дважды по свободновисящей веревке и т.п.

³² Пропасть Берже во Франции, входившая в том году в тройку лидеров подземных пропастей мира. Выглядела она так: Пьер Сен-Мартен - 1332м.; Жан Бернар - 1298м.; Гуффр Берже 1122м. негласный экспедиционный уговор гласил: "Нам рекордов не надо, но третьего места хватит". Отсюда и "Бержуха подвинься". Январь 2002 года принес добрую весть: Экспедиция Украинской спелеологической ассоциации, при участии Российских спелеологов под руководством Ю.Касьяна, совершила нисхождение а пещеру Воронью - Крубера и достигли дна на фантастической глубине 1710 метров. Установив таки мировой рекорд.

По каменным ступеням Кырк-тау

Добираемся до лагеря 800 с двумя перекусами всего за 7 часов. Здесь провожаем на поверхность группу Белинского и располагаемся на ночлег.

Еще одно правило - передать сразу же на поверхность все данные топосъемки. Группа обеспечения (гроб) просчитывает, строит, и если есть видимые ошибки, сообщает все замечания для проверки сюда, вниз. Пока готовится ужин надиктовываю данные замеров. Пермячки просчитают, нарисуют и утром сообщат результат.

28 августа. Утром просыпаемся с сознанием необычности происходящего. Сегодня уйдем так глубоко, как никто до нас в стране еще не спускался.

Разбиваемся на две тройки: Петров, Михалевич, Шевчук уходят с навеской до возможного конца. Пантюхин, Евдокимов, Чурин прихватывают базу и с топосъемкой не торопясь следуют за ними. Наша задача - найти место для промежуточного лагеря.

Последние переговоры с поверхностью: узнаем, что отсняли вчера 120 метров вертикали, что в лагере появились очередные корреспонденты. Договариваемся о связи между группами через поверхность, и прихватив свои мешки уходим ко дну. Попутно осматриваем мощный левый приток, пройдя до его первого водопада. Значит идущим за нами есть работа.

Где-то на 900, сразу после 45м колодца находи ровную каменную полку, и неожиданно обнаруживаем какую-то жилу прорезающую толщу известняка. Отбираем образцы, разбиваем лагерь. Красным бутоном расцветает палатка. Это Гена освещает ее изнутри распаковывая транспортники, готовит спальные мешки и теплое белье. Рядом шипит синее пламя примуса и слегка замедленно движется фигура Олега. Он готовит ужин. Я занимаюсь телефоном. Кабель натянут высоко и приходится делать снижение. Достать до провода руками могу только у следующего колодца и я стою у его края стараясь сделать все надежно. Мне все время мерещатся голоса, я отвлекаюсь, пытаюсь понять - кто там, и снижение все не удается закрепить и я прерываю этот занимательный процесс, чтобы сообщить Панте о своих сомнениях. Он смотрит на меня с сожалением ("перегрелся парень"), качает отрицательно головой. Отвечает коротко:

- Нет. Тебе показалось. – Показалось так показалось, напрочь отключаю посторонние раздражители. Быстро заканчиваю работу и вызываю Базу. С поверхности Дворянинов скучным голосом сообщает:

- Серега, они дошли до дна. И поднимаются на поверхность. Скажи Гене. – Мир проигнорированных звуков возвращается ко мне.

«Да, это возвращаются они». Ловлю себя на мысли: "Она нас обманула". Подзываю Гену и молча отдаю ему телефонную трубку. По тому, как он молчит, догадываюсь об обуревающих его чувствах. Вскоре появляются ребята. Подстраховываем их. Паша. Мирон. Шура выбирается последним и не переведя дыхания сразу включается в руководящий процесс:

- Так! Мы сейчас едим, ложимся спать. А вы вниз с... – дальше он не успевает закончить. Накопленные Геной эмоции прорываются наружу небольшим, но яростным Везувием. Единственное, что я смог для них сделать, накормить нашим обедом, и они понуро, будто ощущая за собой какую-то провинность уходят в лагерь 800. Будут там ждать нашего возвращения.

Узнаем: большое подземное озеро преградило нам путь своим сифоном. В озеро нырял Шура. Прохода не нашел.

Готовим себе ужин.

Ложимся спать.

29 августа. Петров, Шевчук, Михалевич в лагере 800. Отдыхают, приводят себя в порядок. Наша тройка уходит со съемкой до дна для поиска вероятного продолжения. Если продолжения не будет, уходим с выемкой снаряжения до 900м. Скучный день. Короткая серия колодцев, практически без переходов между ними. Падающий в озеро водопад. Изумрудное, от запущенного вчера уранина, озеро, вытянутое клином. Подъем до лагеря. Мешки со снаряжением.

Процесс пошел в обратном направлении. Теперь все, что мы опускали и развешивали; снимается, упаковывается и тащится на поверхность. Выносим и незримую капельку нового знания. Капелька эта изрядно горчит.

По каменным ступеням Кырк-тау

Уже лежа в палатке, диктую данные топо навверх. Все. Спать. Однако долго не могу уснуть. Рядом ворочается Олежка. Задает вопросы. Пантя отвечает. Не дают покоя эмоции. Притворяюсь крепко спящим. Им еще моих не хватает. Скучный день.

30 августа. С утра звоним своим товарищам в лагерь 800. Состыковываем время встречи. Они должны подойти к нам в тот момент, когда мы начнем выброску. Первым - Пантюхин на моих самохватах. Комментарии его я приводил. Самохваты сбрасываются вниз. И пока я привязываю свои, навверх поднимается Олег. Цепляю по очереди мешки со снаряжением, их восемь. Начинаю подъем. Колодец следует за колодцем, число мешков растет и все дольше мне приходится торчать под уступом, придерживая оттяжкой уползающие вверх мешки. Меньшаться никто не хочет, у всех проблемы одинакового характера: чтобы зажим работал, веревку приходится держать снизу. Пермские самохваты идут уже через метр без посторонней помощи. Кроме того, у нас отработан и способ самоудержания веревки.

Очередной уступ. Бог знает какой час подъема. "Шаг,... второй,.. третий,.. левая-правая,.. левая-правая,.. левая.. А черт, не схватил. ногу резче в сторону.. Уф!.. Хоть немножко отдохнуть... Вода... Ноги в стенку, пусть льет мимо... Карабин на груди повыше... Зависнуть..." Бешено колотится сердце, молоточками отдаваясь в висках. Струящаяся по веревке вода, кажется, вымывает из закаменевшего тела последние остатки тепла. Опухшие пальцы не гнутся, да и сам ты напоминаешь робота с единственной коротенькой программкой: "Шаг правой, шаг левой, шаг правой, шаг левой ..."

Где-то близко маячит неясное пятно. "Мирон, его фара. Он на страховке. Тяни ее, тяни. Да тяни же..." Вот наконец уступ. Сыро холодно здесь. Что ж такова судьба - дальше придется лезть" - слова старого гимна спелеологов завязли в ушах.

-Что? Да нет, все в порядке. Не беспокойся. Я сам. - "Тросик сюда. Болт сюда... Корпус. Корпус не уронить. Хрен потом найдешь. Дырка? Откуда здесь дырка? Не было на предыдущем отвесе дырки. А, ладно, не вывалится. Теперь второй туда же в карман. Карабин к крюку. Муфта... Теперь потянем веревку. Что твой наждак. Откуда на ней песок?.. Надо бы перчатки. Сколько ее тут... Кажется сороковка. Мокрая двенадцатка. Десятка была бы полегче".

От напряжения руки сводит судорогой. Мысли вспыхивают и гаснут, как искры догорающего костра. Движения вялые и плавные, будто боишься расплескать чашу тепла. Веревка с трудом заталкивается в транспортный мешок. Сознание отмечает отдельной искоркой "Мягкий. Наш. Капроновый" Пока ты поднимаешься, ребята перетаскали мешки метров на двадцать дальше по коридору. Хватаешь свой и вдогонку за ними. Поворот, поворот, поворот. Боком, от стенки к стенке: грудь-спина, грудь-спина, грудь-спина...

"Наконец-то. Догнал".

- Серега. Хорошо! Давай вперед.
- Мужики, дайте передохнуть.
- Сколько мешков?
- Шестнадцать.
- Я один притащил. Семнадцать.

Шесть фигур молча перелезают через гору из мешков, вытягиваются в цепочку и начинают передавать мешки дальше. Шаг влево, мешок, три шага направо, в руки. Три шага влево, мешок, три шага направо, в руки. Три шага ... Груда мешков тает сзади, вырастая перед нами. Опять шестеро перелезают через свой завал. Цикл повторяется. Мешок, три шага направо, в руки. Три шага ... И так на протяжении почти полутора сотен метров. Стоп! Приехали. Небольшой зал.

Груда мешков. Кто-то уже ползет навверх. "Прилечь бы. На мешки".

- Серый поддержи. - "Опять?"... "Ух и льет". Стою, придерживая веревку руками, чтобы не дергалась. Облегчаю путь навверх товарищу. Где-то далеко навверху неразличимое бормотание голосов.
- Пришел?
- Да!
- Лови страховку! - тупой, с подвыванием свист. Смачный шлепок.
- Пришла!" - Так, карабин. Корпус. Кулачок. Теперь веревку в корпус, прижать кулачком. Куда? Судорога - на место! Так, на месте, теперь шпилька. Шаг, еще один, еще". Веревка тянется, пружинит, наконец мягко подхватывает твой вес и... Шаг. Шаг. Левая.

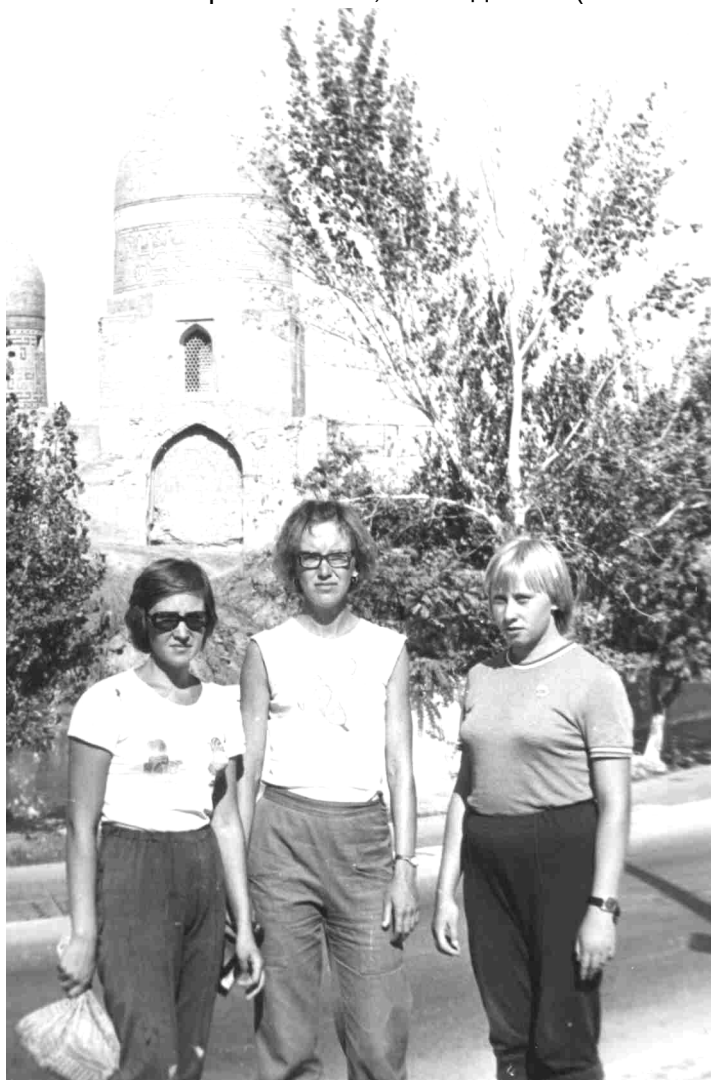
По каменным ступеням Кырк-тау

Правая. - "Что наверху? Солнце? Тепло". Ноги сами перебирают метры веревки идет девятый час подъема.

Сегодня доходим до лагеря 700. Здесь устраиваемся спать своими тройками. Шевчук с командой в базе киевлян. Зовут и нас. Заглядываю. Под мощным сводом в натечной стене округлая ниша. М-да. Троиц места должно хватить. Вот только пол выровнять. Нам тут явно места нет. Критически оглядываюсь вокруг. Вот если за глыбой лежащей почти посреди зала? Только чтобы наверху никто не шлындал. Приняв решение начинаю молча выкладывать транспортные мешки со снаряжением, Гена начинает мне помогать. Олег в роли кормящей матери. Выбраться из ниши быстро невозможно, поэтому пищу он таскает ее жильцам сам. Закончив обустройство лагеря, ужинаем сами и строго настрою предупредив всех на поверхности, что к колодцу приближаться запрещено, пока мы не проснемся, тихо засыпаем.

31 августа. Просыпаемся от голосов вспомогательной группы. За снаряжением приходят наши товарищи. Юра Маштаков (Коша - по-крымски) спускается к нам в лагерь чтобы дать нам свободно уйти наверх, к солнцу³³.

Собираем лагерь. Три его мешка мы поднимаем, с собой, в лагерь 400. Так нам спокойнее. Уходя наверх, сохраняем порядок установившийся вчера: Группа Шуры уходит раньше, за ними мы. Первый - Гена, последний я (самохваты мои идут легко и свободно, без посторонней помощи, и на больших отвесах Пантя пользуется ими, сбрасывая их мне вниз).

Люда Сукрушева, Леся Вовк, Лиля Аликина

Почему-то долго и мучительно поднимаемся до лагеря 400. Уже в лагере возникает вопрос: - "А не остаться ли еще на одну ночевку?" Я - категорически против. Силы еще есть, да и слабеющий свет подгоняет. Поскольку готовка - это, похоже, тоже теперь моя обязанность, наравне с топорьем, готовлю невероятный коктейль из сухого "Малыша", искрошившегося весового шоколада и чего-то еще. Часа через два, встаю решительно и говорю, что спать буду только у себя в палатке. Тем более, что у моих "теток" припасен некий сосуд с "джином", и я готов пойти на нарушение спортивного режима ...

Не знаю, что возымело действие: коктейль или угроза оставить меня одного наедине с джином, но все дружно начинают собираться и, после замены потертой веревки на 60м колодце, мы быстро (всего за четыре часа - абсолютный рекорд экспедиции) выходим к последнему колодцу.

Свет у меня сел. Сел он и Паши. Мы с ним в роли замыкающих, поэтому для экономии энергоресурсов примитивно пробираемся в темноте (свалиться куда либо просто невозможно - русло подземного водотока ведет как поводырь) до

ближайшего препятствия. На короткое мгновение освещаем сцену, ориентируемся, встеги-

³³ Психологи утверждают, что и клички, и проф. жаргон это неосознанное желание отгородиться от окружающего мира рамками своей касты. У крымчаков в ходу клички. Поэтому Крава - оказывается просто Кравченко, Борода - Коля Леонов, Гриня - и вовсе Пройдаков, но Григорий. Странно, но болезнь эта здорово повзрослела. Наша дворовая компания заразилась ею, где-то в 6-7 классах. Зачитываясь Дюма, Сабатини, Джеком Лондоном, в своих уличных делах были у нас и Дон Диого, и Боб Акула. Сам я, помнится, именовался не иначе как Бернардито - Одноглазый дьявол. Кто читал "Наследник из Калькуты" - Штильмарка, тот поймет меня.

По каменным ступеням Кырк-тау

ваем веревки в самохваты, и лезем дальше в потемках. А поскольку на этом участке веревка навешена практически идеально (стенок не касаясь), то идем по двум параллельным веревкам одновременно, этакое СРТ семидесятых. Идем и, от избытка чувств, орем на два голоса из Высоцкого, на ходу переделывая слова:

*"Условия пари, одобрили не все,
Илюхин... Был конечно против..."*

Из последнего колодца нас выдергивает бригада застоявшихся крымчаков и...

1 сентября. На свет божий (какой там свет в час ночи? – россыпи по южному огромных звезд на черном бархате небосвода) выбираемся уже осенью. Встречающие в свитерах и пуховках. (Температура ночью на плато опускается ниже нуля, и утром дядя Вася демонстрирует нам извлеченный из ведра кружок льда сантиметровой толщины.) Мы возбуждены. Взбудоражены встречающие. Лариса Вершинская приносит бутылку шампанского, появляется и бутылка с "джином". Нам хорошо, уютно под нежными взглядами друзей. Расходиться не хочется и поэтому устраиваемся все вместе в огромном бараке-палатке кают-компания. Говорить не хочется все устали. Уже засыпая, Олежка задает вопрос:

- Гена, а ты под землей приведения видел?
- Видел - хмыкает тот. - Один раз. – «Барак» настороженно замолкает.
- Мы тогда «Осеннюю»³⁴ штурмовали, ее только-только открыли. Умотались мы тогда здорово. Снаряжение кончилось раньше, чем дыра. Перед очередным колодцем, связали все, что у кого было. Спустили меня. Дна не достал. Приютился на какой-то полочке, и вижу - Пантя делает театральную паузу. Дождавшись нетерпеливого: "Ну дальше", продолжает: - На противоположной стене стоит белая женщина и говорит мне: «Да Гена, в этот раз я тебе не отдамся. А вот в следующий раз буду только твоей».
- Ну и как? – раздалось нетерпеливо из другого угла палатки.
- Обманула, первыми там побывали красноярцы. – Шелестят легкие смешки.

Это последний всплеск эмоций. Засыпаем. Но и во сне я продолжаю тащить мешки, брести по узким коридорам, подниматься по рапели.

Еще два дня уходят под землю люди, непрерывно поднимаются на поверхность мешки. Трудно отпускает от себя КилСИ.

Снова Самарканд. Вернулись мы несколько ранее намеченного срока (билеты взяты на 6). Поэтому вовсю предаемся туризму. Ходим и глазеем на восточные чудеса. Для их описания нужна целая глава, и цветистая восточная речь.

Петров, Евдокимов, Кочербитова Галина, Михалевич, Пантюхин, редактор газеты Ленинский путь, Атаджпаров перед редакцией газеты «Ленинский путь»

Ночлежка у нас во дворе Альплагера "Артюч". Прием в редакции газеты "Ленинский путь". Газета регулярно писала о ходе работ экспедиции. Ее кор. несколько раз поднимался к нам на плато.

Юра Рост, на прощание ведет штурмовую группу в ресторан: "Не могу ребята не поставить Вам настоящего азиатского вина". Ресторан "2500" (очевидно столько лет городу). Проходим во внутренний дворик: журчит вода в фонтанчике,

³⁴ «Осенняя» - известная шахта на западном Кавказе, хр.Алек. Тогда глубина ее была 470м.

По каменным ступеням Кырк-тау

чинары, бетонные дорожки. Ресторан на втором этаже. Туда ведет широкая и воздушная лестница. Чувствую себя не в своей тарелке. Кроссовки развалились на спуске, и приходится "щеголять" в туристских ботинках, являющих из себя весьма печальное зрелище после соприкосновения с каменистыми склонами Кырк-Тау. Ведомые Юрой успеваем только одолеть пару ступенек, как сзади раздаётся сердитое:

- Куда пошел в тапочках? – Оглядываемся. Из-за роскошного куста встает пожилой узбек во фраке и с бабочкой - "Швейцар?" Обреченно машу рукой ребятам,
- В "Артюче" встретимся. - Однако почтенный представитель не умирающего племени привратников покровительственно машет мне рукой:
- Нет. Не ты. Ты. Ты и ты. – Тычет пальцем в Пантю, Пашу и Росту. - в тапочках нэлзя. – Веско резюмирует он.

Вся троица в новехоньких кроссовках "Адидас" (в голове мелькает ерническое: «тот кто носит "Адидас" тот и Родину продаст, а еще любая баба даст»).

Очевидно, этот страж нравственности придерживаться аналогичного мнения. Уговоры не помогают, и плюнув на все, идем на площадь в "Ошхону", где мрачно распиваем три бутылки узбекского портвейна, взятого здесь же рядом в магазине и оказавшегося изрядной гадо-стью.

Местные журналисты (областная газета «Ленинский путь», выходящая на русском и узбекском языках) устраивают встречу в редакции. Выступал Пантя. Выступал Атаджапаров – местный знаток карста, к Гене относится с огромным пиетитом. Выступали журналисты. Их в самом деле очень интересуют наши дела, наверно потому, что привлекают внимание к этому благодатному краю. Нас одаривают Путеводителями по Самарканду с дарственными надписями. На прощание фотографируемся у входа в редакцию.

Разлетаются все. Наш путь лежит через Ташкент. Обещания данные ранее надо выполнять. Балташниковы все дома. Разговоры, воспоминания... Наши геологини уехали отмечать свою практику.

У нас проблемы: Нас остается трое. Денег на авиабилеты хватает только за двоих. Моим товарищам нужно быть в Перми послезавтра. У меня оброк - Степаныч уезжает во Фрунзе, вернется через неделю - за это время я должен написать статью о наших делах на плато объемом не менее десяти машинописных страниц для "Советского спорта"

Провожу Татьяну с Валерой домой. Они возьмут у секционного казначея деньги и пришлют мне. Я напишу статью, вернусь в Пермь, займусь топосъемкой. Потом уеду на 1-й Матч городов Урала. Я обязан там быть, как один из учредителей. Потом выйду на работу, если меня уже не уволили.

Пишу мучительно долго. Лезут какие-то тяжелые, неподъемные, мысли. Дня за три, отдалбливаю на машинке одним пальцем семь мрачных страниц и в смятении прощаюсь с гостеприимным домом Балташниковых так и не дождавшись главы.

Читая потом "свое творение", на газетных страницах, я сгорал от стыда, там не было ни одной моей строчки. Беда, коль сапоги... Да электрик я. Электрик.

Дома сажусь за оформление топо материалов. Считаю, рисую.

Камералка дала глубину 1028м. Рассылаю телеграммы Пантюхину, Росту, Русанову, Балакину.

На Матче сообщение о дыре ажиотажа не вызвало. «Скоро там будем тоже» - решает Урал.

Круги от события расходятся в эфире бытия обходя одних и задевая других. Уезжая в экспедицию оставил на работе два заявления: "Прошу предоставить" и "Прошу уволить". Шефу сказал - "Как хочешь так и решишь". 20 сентября появляюсь, как ни в чем не бывало, на работе. Мой непосредственный начальник смотрит озадачено и молчит, сослуживцы крутят пальцами у виска, работяги с увлечением выспрашивают про азиатские подробности. В конце смены шеф подходит и, наконец-то, в открытую спрашивает, где я был? Мой ответ его не удовлетворяет, похоже просто напрочь не верит. Хмыкнув неопределенно, просит к завтрашнему дню написать объяснительную:

- Соберется четырехугольник, будут обсуждать таких, как ты.

Старый работяга – Женя Юшков, мой бескорыстный болельщик из соседнего цеха, случайно присутствующий при этом, ободряюще говорит:

- Напиши все коротко и просто, ведь такое дело провернули!

По каменным ступеням Кырк-тау

Слова ложатся на бумагу легко и просто:

Начальнику цеха 50 т.
Стрелкову Н.И.
от Евдокимова С.С.

Объяснительная записка

Поясняю, что в период с 11 августа по 20 сентября принимал участие во Всесоюзной спелеологической экспедиции проводившейся на базе Крымского областного совета по туризму, и заявленной на участие в первенстве на лучшее спелеопутешествие.

Причины моего участия в экспедиции без согласия администрации цеха такие:

1. Неучастие в экспедиции срывало работу 50 человек в глубочайшей полости Союза - КуЛСИ, и делало невозможной попытку штурма мирового рекорда глубины спуска в естественные подземные полости из-за нехватки кадров с достаточной, для этого, квалификацией.

2. Каждый человек должен стремиться достичь какого-то более высокого уровня в учебе, работе, спорте. Шанс побить мировой рекорд бывает раз в жизни, по заводу же ходит поговорка, что лучше иметь двух пьяниц, чем одного спортсмена.

3. Полученный отказ от энергетика и начальника цеха.

Подпись.

Следующий день проходит как обычно: работа, отладка оборудования. На "четырёхугольник" не вызывают.

- Слишком много там собралось, таких, как ты. Вызовут завтра, - роняет вечером начальство. И возвращая объяснительную, бурчит недовольно: - Это переделай как-нибудь помягче.

До меня только сейчас доходит... Шеф у меня отнюдь не дурак выпить, и одна фраза в объяснительной звучит уж очень двусмысленно.

Среда начинается со звонка Валерия Семеновича Шмырева: «В "Советском спорте" твоя статья.» – «Неси ее сюда». – «Не могу, она у проходных под стеклом». Поскольку предприятие у нас режимное, приходится ждать окончания смены. В конце рабочего дня приглашают в кабинет начальства. Не четырёхугольник собрался, аж шестнадцатигранник. Все старшие мастера и замы. Вопрос у них один:

- Что с тобой делать ?
- Где был? - не спрашивают, наслышаны, да и пресса прошумела.

Правда, пока небольшие заметки без указания персоналий. Названы города. Слегка пожурили, мол начальство давить надо настойчивее. Кто-то предложил оформить отпуск за свой счет. Тут вылез т. Чистов - наш партийный вожак:

- А где видно, что ты не прогулял? А теперь прикрываешься прессой.
- Газеты читать надо – нехотя отвечаю.
- А там, что? Твоя фамилия есть? – ехидно вопрошает он.
- Есть – мстительно роняю я – статья в "Советском спорте".
- Чья? – по инерции продолжает допытываться парторг.
- Моя – отвечаю, не без удовольствия рассматривая финальную сцену из гоголевского "Ревизора", которую являют собравшиеся.

Меня быстренько спроваживают, обещая решить вопрос и довести результат до моего сведения. Круги пошли бродить дальше.

В клубе устраиваем традиционный вечер спелеологов. Откуда-то прибегают девчонки и требуют включить приемник. Радиостанция "Юность", Женя Русанов - 20 минут из жизни экспедиции. Наши голоса в эфире³⁵.

Своим помощникам по подготовке экспедиции вручаем пиалушки в знак нашей благодарности и любви. Потом выходит звуковой журнал "Кругозор". Одна пластинка о нашей экспедиции.

³⁵ Запись этой передачи, как и журнал "Кругозор" №3 за 1977г. хранятся в архиве ВИБ.

По каменным ступеням Кырк-тау

Прощаясь с нами в Самарканде. Юрий Рост сказал: "Материал хороший, если получится, дам в нескольких номерах". "Комсомолка" дала материал в двух номерах.

Круги... Круги... Круги...

Нехорошо так леденит душу одно «но»: все указывают глубину 1082м. Перепутали две последние цифры 28 - 82, 82 - 28 ?

Пришло, как никогда, объемистое письмо из Симферополя. Гена писал:

"Серый, тянется бодяга с "Централкой". Посылаю свою объяснительную, чтобы ты был полностью в курсе дел. Приходило ли такое письмо к вам? Что ты написал? Сообщи".

Объяснительная четко рисует картину тогдашних взаимоотношений секций с "Централкой", Поэтому привожу ее полностью:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ПО ТУРИЗМУ И ЭКСКУРСИЯМ

Начальнику управления самодеятельного туризма
т. Симакову В.И.

Председателю Крымского областного совета по
туризму и экскурсиям Т.Ревкину М.В.

от руководителя Всесоюзной спелеоэкспедиции

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

27 октября с.г. я был вызван в Крымский областной совет по туризму и экскурсиям, где мне было предъявлено письмо ЦС от 5 октября 1976г. за № 5910/14 в котором руководству Всесоюзной спелеоэкспедиции на плато Кырк-Тау (Ср. Азия) ставится в вину, то оно в своих сообщениях и интервью представителям центральной печати («Известия», ТАСС) указывало, что это - "экспедиция специалистов ИМР и других производственных организаций Львова, Красноярска, Перми, но не секций советов по туризму и экскурсиям".

По данному вопросу мне, как руководителю экспедиции, хотелось бы дать следующие разъяснения:

По всей вероятности, составители проекта указанного письма руководствовались корреспонденциями, которые появились в газете "Известия" за 2 сентября 1976г. "КилСИ - спуск продолжается " и за 9 сентября 1976г. "Поиск спелеологов", которые давал нештатный кор. "Известий" тов. Зайнутдинов из Ташкента. Чем руководствовался т. Ш.Зайнутдинов, давая такие сообщения мы не знаем, руководство экспедиции, а также ее участники не давали указанному товарищу никаких данных о работе экспедиции и с ним не знакомы. Если составителей письма интересует вопрос, откуда он (Ш.Зайнутдинов) черпал информацию для своих сообщений, то они могли бы к нему обратиться лично.

2. Руководство экспедиции имело беседы в отношении проводимых и проведенных работ только с теми корреспондентами, которые прибыли на плато Кырк-Тау, а именно: газеты "Ленинский путь" г. Самарканда т. Каримовым; газеты "Комсомольская правда" - т. Ростом; газеты "Социалистическая индустрия" - т. Э.Максимовским, а также корреспондентом радиостанции "Юность" - т. Русановым. В своих беседах с указанными представителями прессы и радио мы указывали, что наша экспедиция является Всесоюзной экспедицией и что в ней принимали участие спелеологи секций Крыма, Львова, Перми, Красноярска, Самарканда, Именно это и было отражено в статьях корреспондентов в их газетах и в радиопередаче "Юность".

3. Кроме того, меня удивляет формулировка составителей письма, что это была «экспедиция специалистов ИМР и других производственных организаций Львова, Перми, Красноярска». Насколько мне известно, в газете "Известия" ничего не сказано об экспедиции специалистов ИМР и других производственных организаций Львова, Перми, и др. Видимо, со-

По каменным ступеням Кырк-тау

ставители проекта письма позволили себе, по непонятным для нас причинам, заняться прямым вымыслом, что, по видимому, не было сообщено ими подписавшему это письмо тов. В.Симакову.

Подпись: *Пантюхин.*

Как-то сошлось так, что в этот же день вызвали меня "на ковер" к председателю Пермского обл. совета Гунину М.П. (в отличие от последующих деятелей, занимавших это чисто номенклатурное кресло, он интересовался нашей самостоятельной жизнью). В приемной толкуются инструктора и весело приветствуют мое появление: "Тут из Москвы письмо пришло, чем-то ты им насолил". В кабинет пропускают без очереди. Из-за стола протягивает руку Михал Палыч, весело щуря глазки он сообщает:

-Тут мы решили командировать тебя во Львов от нашего Областного совета, на конференцию по КиЛСИ. Иди получать деньги - и добавляет - там от Илюхина телега пришла, в отделе считаешь. Ты не бери в голову, я уже, как надо ответил. – похоже чиновничьи игры доставляют ему удовольствие и в Этом раунде он целиком на нашей стороне.

Еще несколько кругов от события. Чтобы ехать, надо отпроситься у начальства. Без особой надежды, ловлю с утра начальника цеха. Весело улыбаясь он спрашивает меня подписывая письмо:

- Деньги получил?
- Какие? - Изумляюсь я.
- Ну мы тебе решили проставить выполнение государственных обязанностей. Обалдело только и могу, что кивнуть неопределенно. Чудны дела твои...

Во Львове проводится 1 Всеукраинская спелеологическая конференция. Откровенно, совсем не скрываясь, празднуется фитиль, вставленный Москве. Симпозиум из анекдота: "Товарищ Фурманов, а что такое симпозиум? - Симпозиум, Петька, это научное собрание с вином и женщинами". Много вина, много народу, не всегда адекватно воспринимающих действительность.

Пытаюсь выяснить откуда такая цифра глубины. Но кажется это никого не волнует. Гена просто отмахивается:

- Серый, просто я подумал и прибавил к тому, что отсняли томичи с Киевом, наш конец. Так будет честно. А Илюхин все равно будет уменьшать. Я его хорошо знаю. Он ведь и Снежную на 50 м уменьшил. В 1973г. Я там был и знаю.

Вечером, не дожидаясь окончания торжеств отправляюсь на вокзал. Всего в девяти часах езды "шестьсот веселым" поездом от Львова, город Ужгород. Здесь живет мама и похоронен отец. Ночь в вагоне. День в разговоре с мамой, (больше всего ее волнует: не было ли там опасно). Успокаиваю как могу. Сходили к отцу. Брат несет срочную службу в ПВО где-то в Туркмении. Ночь опять в вагоне.

Во Львове конференция благополучно закончилась. Умиротворенные гости разбредаются по домам. Улетаю и я, через Москву.

Круги... Круги...

Проходит почти год. Странное происшествие: однажды ночью снится непонятный сон: кто-то упал в Киевской на 28 метровом колодце, что перед лагерем 700. Что-то там расплозлось. Слышу какие-то разговоры, голос Илюхина, но смысл уловить не могу. Звучит некая фамилия... Просыпаюсь от ясного чувства, реальности происходящего.

Звоню Пантюхину, сообщаю что мол, кто-то экспедиции упал. Что это приснилось мне не говорю. Гена обещает выяснить по своим каналам.

Скромная заметка в "Правде". Всесоюзная экспедиция достигла дна глубочайшей пещеры СССР. Глубина ее стала 940 м. Прав стало быть Пантюхин, когда говорил мне: "Илюхин все равно все уменьшит". Пусть остается так.

Через некоторое время, на 2 Матче городов Урала узнаю от тагильчан - да, упал, и на 28 м колодце. Шашурин, москвич, в централке отвечает за работу с кадрами, Использовал Абалаковский пояс в обвязке и беседке, карабин со спусковым устройством, попал на пряжку, пояс распустился и с зажатой самостраховкой клиент упал на дно колодца. Сломана нога.

По каменным ступеням Кырк-тау

(Пикантность ситуации в том, что по нормам того времени, за такое ЧП грозила пожизненная дисквалификация с запрещением заниматься спелеотуризмом. Самому пострадавшему да и руководителю пришлось бы не мало. Руководителю экспедиции не оставалось ничего другого, как высечь самого себя. Не очень больно. На год. До следующей экспедиции. Не без ехидства наблюдали председатели областных спелеосекций на очередном своем семинаре неуклюжую попытку представить все досадной случайностью. Как доставалось многим и за меньшие прегрешения, знали все).

Уже зимой, на очередном семинаре председателей, Владимир Валентинович обронил небрежно в присутствии всего семинара:

- Очень у вас большая ошибка в конце - и уточнил: - Все бьет практически один в один до восьмисот метров, а дальше...- Он развел руками.

Не знал он, что кроме участка 400-700 все сделано одними руками. (Вообще-то физику не стоит забывать, что знает каждый студент первокурсник делающий лабораторные работы по физике: все замеры производятся минимум трижды и выводится средний результат. Так что если считать наши результаты полярными в ошибке, то получается $1/2 (1082+940)=1011\text{м.}$) К истине все это не имеет никакого отношения.

Это, кажется, называется просто политикой.

Круги, круги...

1983 г. Опять Кырк-Тау. семь лет спустя. На этот раз СТП и самостоятельная экспедиция ВИВ. Все из Перми. Руководители - Петеримов Л.А. и Вотинин А.В. Результат -1012м. Чуть позже ПГУ (руководитель - Валуйский С.В.) совершает свое нисхождение.

Круги отразившись от неведомых берегов начинают возвращаться обратно. 1986-1990гг. Секция ПГУ работает уже над пещерным восхождением по левому притоку и раз за разом добиваются успехов (рук. Валуйский С.В. и Родионов В.В.). За что получают бронзовые медали чемпионата СССР за лучшее спелеопутешествие. Одну из медалей, тренера, команда дарит мне на память, за 1976 год. Но это уже другая история и не мой рассказ.

1996год. Круг кажется таки замкнулся: Очередная экспедиция Пермьяков на дне Киевской. Это уже совершенно другое поколение спелеологов - наши дети. Среди них мой сын Денис.

За два десятка лет изменилось многое. Подрос рекорд мира глубины карстовых полостей. Он бестрепетно шагнул за полукилометровую отметку, и наша Килси не входит даже в десятку крупнейших пещер. Изменилась техника преодоления отвесов (если та наша экспедиция 1976 года была чуть ли не первой отказавшейся от лестниц и тотально использовала самохваты, то молодёжь ходит исключительно по одной веревке используя технику SRT).

Неизменным остался только дух познания который раз за разом уводил, уводит и будет уводить новые поколения вслед неизвестному.

Август 1976г.- Июнь 1997г. Кырк-Тау - Ташкент - Пермь. Евдокимов С.С.

По каменным ступеням Кырк-тау

ЛИТЕРАТУРА

А.Б.Климчук, В.Я.Рогожников, А.А.Ломаев. - Карст массива Кырктау. (Зеравшанский хребет, Тянь-Шань). препринт института Геологических наук. Киев-1981г.